

56 $\frac{6}{3}$

6
3

М. С. Угличанинова.

ВОСПОМИНАНІЯ ВОСПИТАНИЦЫ
СМОЛЬНАГО МОНАСТЫРЯ
СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

(Посвящается воспитанницамъ Смольнаго института).

Съ письмами къ роднымъ подруги ея по институту Ельчаниновой, впоследствии Невельской, во время экспедиціи ея мужа на Амуръ.

1153/3

Типо-Литографія Т-на Владиміръ Чкверикъ въ Москвѣ. Маршна роца, с. л

1901.

М. С. Угличанинова.

ВОСПОМИНАНІЯ ВОСПИТАНИЦЫ
СМОЛЬНАГО МОНАСТЫРЯ
СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

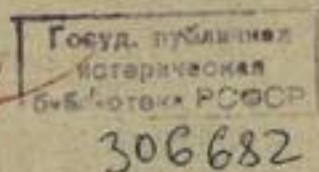
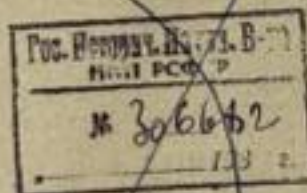
(Издана въ воспитанницѣмъ Смольнаго института).

Съ письмами къ роднымъ подручи ея по институту Ельчаниновой, впоследствии Невельской, во время экспедиціи ея мужа на Амура.

1153/3

Типо-Литографія Т-на Владимиръ Чечеринъ въ Москвѣ. Маргина роша, с. д.

1901.

Допущено цензурой 3 января 1901 г.

56

Воспоминания воспитанницы Смольного монастыря сороковых годовъ.

(Посвящается воспитанницамъ Смольного монастыря).

Мнѣ 70 лѣтъ, но далекое прошедшее ясно и отчетливо мнѣ припоминается. Картина за картиной какъ въ калейдоскопѣ ярко сменяются одна другую, и образы людей, давно ушедшихъ изъ этого міра, встаютъ предо мною какъ живые. Говорить, это принадлежность старости, забывать недавнее и ясно помнить давно прошедшее, и я хочу воспользоваться этимъ и написать свои воспоминанія о моемъ девятилѣтнемъ пребываніи и воспитаніи въ Смольномъ монастырѣ 60 лѣтъ тому назадъ.

Посвящая ихъ воспитанницамъ всѣхъ поколѣній этого института, я должна оговориться что бывши на юбилей Смольного монастыря въ шестидесятихъ годахъ нашла тамъ огромную перемену; напрямѣръ, лазаретъ о которомъ буду говорить находился совершенно въ другомъ мѣстѣ, гораздо болѣе близкомъ къ дортуарамъ, лица воспитанницъ была несравненно лучше той которую мы пользовались и, какъ говорила мнѣ классная дама одного со мною выпуска, я теперь не узнала бы Смольного еслибы вобыла тамъ подольше, а послѣ этого прошло уже слишкомъ тридцать лѣтъ. Сколько же должно было совершиться перемены!

Полагая что молодымъ поколѣніямъ будетъ интересно узнать что было 60 лѣтъ тому назадъ въ томъ заведеніи, гдѣ они провели свою юность, вмѣстѣ съ этимъ обращаюсь къ вамъ, оставшимся еще въ живыхъ, моимъ дорогимъ подругамъ. Читая эту книгу не забьется ли сильнѣе ваше старческое сердце, какъ вспоминая васъ и все то что связано съ вами въ моемъ воспоминаніи бьется то которое казалось давно уже умершимъ. Мысленно вызываю которую-нибудь изъ васъ, и она какъ живая встаетъ предо мною. Припоминаю даже звукъ ея голоса, можетъ-быть, давно уже умолкнувшій. И вотъ одна за другою проходите вы передъ моими старческими отуманенными слезою глазами, и я съ вами со всѣми прощаюсь, зная что уже недалеко то время, когда и я уйду вслѣдъ за тѣми кого уже нѣтъ.

I.

Начну свои воспоминанія съ самых раннихъ лѣтъ. Правды, обычаи и образъ жизни при крѣпостномъ правѣ для многихъ утеряны во времени, а нѣкоторымъ и совершенно неизвестны, а же буду о нихъ говорить чтобы пояснить съ какой почвы была и перенесена на почву воспитанія Смольнаго монастыря.

Начинаю помнить себя шестилѣтнимъ болѣзненнымъ, худымъ, капризнымъ и дикимъ ребенкомъ который при входѣ каждаго новаго лица старался убѣжать или спрятаться куда-нибудь. Мама моя, слабохарактерная, но въ высшей степени добрая женщина, очень меня баловала, и когда ей говорили о вредѣ этого баловства, она оправдывалась моею хлостію и слабостію, говоря что боится меня раздражать чтобы я опять также не захворала когда она съ отцомъ оба меня уже благословили и съ замираніемъ сердца и тоской, какъ она говорила, ждали послѣдняго моего вздоха, но я ожила, оставаясь такимъ ребенкомъ, какъ мною было выше сказано.

Мы жили въ Галичѣ Костромской губерніи, гдѣ отецъ мой служилъ по выборамъ дворянства, на дѣто уѣзжая въ усадьбу въ трехъ верстахъ отъ города.

Съ тѣхъ поръ какъ начинаю себя помнить, за мной ходила няня, уже старая женщина изъ нашихъ крѣпостныхъ дворовыхъ, къ которой чрезвычайно была привязана, хотя причину этой привязанности до сихъ поръ не могу понять. Она никогда почти не ласкала меня и обращалась со мною грубо. Вообще это была недобрая женщина, или, вѣрнѣе сказать, вредный продуктъ крѣпостнаго права и свое озлобленіе вымещала на мнѣ. Мамѣ моей она часто досаждала своими грубостями, и когда выведенная изъ терпѣнія, мама жаловалась отцу, и онъ рѣшалъ отправить ее въ усадьбу и оттуда взять ко мнѣ другую няню, то и съ рыданіемъ бросалась на полъ, обвиняла ноги отца и умоляя не трогать ее, и мнѣ всегда удавалось выпросить ей прощеніе, тѣмъ болѣе что сама мама, боясь чтобы я не расхворалась, присоединялась къ моимъ просьбамъ. Тогда и брала няню за руку и скорѣе вводила ее наверхъ въ дѣтскую гдѣ дрожащими руками затворяла двери чтобы не слышали ее брани, и старалась ласками успокоить ее, но она всегда грубо меня отталкивала, называя барскамъ отрожьей.

Помню какъ послѣ одной изъ такихъ сценъ пришла со мной наверхъ она схватила шитье и больно, до крови, уколола себя иголкой руку. Еще болѣе разсердившись она пожелала себѣ шить саванъ этой иголкой. Я знала что саванъ надѣваютъ на покойниковъ, знала

что такое смерть, еще недавно умеръ и хоронили моего маленькаго брата, и горько плача стала обнимать няню, прося ее не говорить этого, но она какъ будто образовалась моему горю и по обыкновенію оттолкнувъ меня, стала скоро такъ говорить:

— Да, да, на меня надѣнуть саванъ, положить въ гробъ, заколотить его и зарокотъ въ могилу, а ты и оставайся безъ твоей няньки.

Рисую мнѣ эти картины, она разрывала мое маленькое сердце, заставляла его не по-дѣтски страдать. Эта первая моя привязанность дала мнѣ много горя и ничѣмъ хорошимъ не могу ее поминуть. Мнѣ шелъ уже восьмой годъ, а меня по причинѣ моей слабости все еще не начинали учить. Наконецъ, отецъ сказалъ что пора приниматься за азбуку. Для этого пригласили старую дѣвку изъ духовнаго званія. Звали ее Аграфезой Петровной. Я ее знала, такъ какъ она у насъ и раньше часто гостила, и я любила слушать ея странныя сказки. Это было добродушное существо, съ желтоватымъ испорченнымъ осною лицомъ, съ маленькими глазками и такимъ же носикомъ. Ходила она всегда въ сарафанахъ и въ бѣлой полотняной съ длинными рукавами сорочкѣ. На головѣ носила темную косынку, изъ которой сѣлаво было въ родѣ уборчика который прямо и надѣвался, или, какъ тогда говорили, повязана была маленькою головкой.

По ея распоряженію мнѣ купили азбуку и сдѣлали указку, вроде маленькой деревянной вилочки. Я съ большою охотой привязалась за ученіе и очень скоро выучила названіе буквъ: азъ, буки, вѣди и такъ далѣе, но когда дѣло дошло до складовъ, какъ напрямѣръ: буки арны азъ-ра бра, голова моя рѣшительно отказывалась понимать. Я кидала въ сторону азбуку и указку и начинала громко плакать, вызывая этимъ маму. Та приходила, смотрѣла не горяча ли моя голова, и ученіе прекращалось.

Тогда Аграфена Петровна посоветовала мамѣ велѣть выкрасить указку, не пойдеть ли, дескать, дѣло лучше на ладъ, но и выкрашенная по ея совѣту въ голубую краску указка дѣла съ ученіемъ не подвинула, а, кажется, еще пошло хуже.

Надо сказать что все это и продолжалась когда отецъ уходилъ на службу; училась же я въ комнатѣ рядомъ съ его кабинетомъ. Я его очень любила, но вмѣстѣ съ этимъ и страшно боялась, особенно его ремешной треххвостки висѣвшей у него на гвоздикѣ въ кабинетѣ и которую всегда видела на нѣкоторыхъ въ дѣтѣ.

Отъ него мама и Аграфена Петровна тщательно скрывали мои капризы, и на вопросъ отца какъ идетъ ученіе, учительница моя скромно потупляла глаза, а мама отвѣчала неопредѣленно:

— Учится, начала тройные склады.

Но вот однажды, когда по моимъ разчетамъ отца не было дома, и когда мнѣ особенно востерпимы показались азбука, указка и сама Аграфена Петровна, азбуку я изорвала, указку сломала и съ громкимъ плачемъ бросилась на полъ, стуча руками и ногами, то-есть, называя этимъ маму. Но каковъ же былъ мой испугъ когда въ дверяхъ вмѣсто нея увидѣла отца въ синемъ халатѣ подпоясанномъ чернымъ ремнемъ, въ большихъ круглыхъ очкахъ и съ ремешкомъ трехвосткой въ рукахъ. Такимъ онъ навсегда сохранился въ моей памяти. Подхвативъ меня съ пола, онъ положилъ меня на одво кодро и сталъ жестоко наказывать. На мои вопли прибѣжала мама и когда ей съ Аграфеной Петровной съ трудомъ удалось вырвать меня изъ его рукъ, и она обливая меня слезами стала бранить отца, называя его варваромъ и тираномъ, какъ я хорошо помню, мнѣ сдѣлалось на нее досадно, на отца же не было ни малѣйшей злобы. Въ его оправданіе я должна сказать что, во-первыхъ, онъ былъ страшно взыскчивъ и въ это время, какъ онъ самъ говорилъ, не помыслилъ себя; во-вторыхъ, онъ питалъ особенное благоговѣніе къ учению и ученымъ, и конечно ему было горько что его любимая дочка хочетъ остаться неучемъ. Онъ былъ, какъ говорили знавшіе его люди, отъ природы человекъ очень умный, но не получившій никакого образованія, о чемъ всегда скорбѣлъ, и какъ онъ самъ скашивалъ, поступивъ въ 1799 году юнкеромъ въ полкъ, только тамъ научился читать и писать, но писать правильно, какъ я могла судить по его ко мнѣ письмамъ въ Смольный. Онъ сдѣлалъ кампанія 1806, 1807, 1812, 1814 гг., былъ во многихъ сраженіяхъ и, какъ сказано въ его формулярномъ санскѣ, своею храбростію и отвагою служилъ прамѣромъ воинамъ, за что награжденъ былъ ордемомъ. Онъ вышелъ въ отставку въ 1815 году женившись сорока лѣтъ на мамѣ, когда ей было 17, и послѣ того постоянно служилъ по выборамъ дворянства. Что онъ жалѣлъ меня наказавъ такъ жестоко, я могу судить по тому что когда мой маленький братъ задумалъ при немъ свѣтиться, говоря что онъ знаетъ по комъ сегодня гуляла трехвосточка, онъ такъ грозно на него закричалъ что тотъ сейчасъ же прасмирѣлъ, а потомъ увелъ меня въ кабинетъ, гдѣ такъ ласково со мной говорилъ, между прочимъ, о томъ что я его очень огорчила нежеланіемъ учиться и отпустилъ меня, погладивъ по головѣ и глубоко вздохнувъ.

Съ этихъ поръ капризы мои всѣ кончились, хотя ученеіе несколько не подвигалось. Какъ попугай повторала я склады за Аграфеной Петровной, ничего не понимая; но вскорѣ должна была прозойти перемена во всей моей жизни.

II.

Пріѣхавъ какъ то къ намъ родственникъ моей мамы, С. Ф. К.,^{Уфимскій} бывший тогда губерскимъ предводителемъ. Въ разговорѣ съ отцомъ онъ спросилъ, почему тотъ не подалъ прошенія о принятіи меня въ Смольный монастырь, гдѣ въ этотъ годъ должна была быть балотировка на пріемъ воспитанницъ.

На это отецъ отвѣтилъ что о старшей дочери онъ подавалъ во всѣ институты и все безуспѣшно.

— Одной счастію, другой другое, сказалъ С. Ф. и совѣтовалъ сейчасъ же написать прошеніе и послать съ эстафетой въ Кострому.

Такъ и сдѣлалъ. И какова же была радость моего отца, когда черезъ нѣсколько времени пришла бумага о принятіи меня въ Смольный монастырь, куда я должна была быть представлена на воздѣе 1-го сентября. Это было въ 1839 году. Говори о радости отца, я увѣрена что мама ее не раздѣлила. Не проходило дня послѣ этого извѣстія чтобъ она не плакала.

— Ну, какъ она можетъ вынести тысячеверстную дорогу, говорила она съ сокрушеніемъ качая головою и ломая руки, — да ее туда и живую не доvezутъ. Она тѣмъ болѣе сокрушалась что самой ей нельзя было меня провожать, такъ какъ находилась въ послѣднемъ періодѣ беременности, отцу же нельзя было уѣхать отъ службы, и вотъ посоветовавшись между собою, рѣшились отравить меня съ сестрой моего отца которую мы всѣ, дѣти, очень любили и звали ее тетей Вѣрой.

У отца были двѣ сестры: Татьяна « Вѣра Филипповна ^{Филипповна} которая хотя и жила въ одной съ нами усадьбѣ, но имѣла свой собственный домикъ, раздѣленный на двѣ половины, такъ какъ сестры вмѣстѣ не уживались.

Одна была олицетворенный порядокъ, это Татьяна Филипповна. Въ ея комнатахъ все блестяло чистотой, и сама она всегда была опрятно одѣта и въ бѣломъ чепчикѣ, но мы, дѣти, рѣдко къ ней забѣгали, она была слишкомъ серьезна и все боялась чтобы мы не изрушали ея порядка. Другая, Вѣра Филипповна была олицетворенный безпорядокъ. Бывало когда пріѣхавъ въ усадьбу прибѣжиши къ ней, то всегда увидиши ползающаго на полу съ подоткнутымъ подоломъ и съ кускомъ въ рукахъ ребенка. Тутъ же ходили куры, индѣйки, утки которымъ насыпанъ былъ кормъ и налита вода и вездѣ стояли лужи. Она радостно насъ встрѣчала и отдавала приказаніе своей крѣпостной прислугѣ Екатерины дѣлать намъ яичинку и принести сливочекъ съ творогомъ.

Эта единственная ее прислуга усердно ей носила почти каждый год ребят и все мальчишек которых тета Вѣра очень любила и возилась съ ними. Когда, бывало, который-нибудь изъ нихъ раскричится, то Катерина строго ей скажетъ:

— Что вы, барышня, не уймете его и не возьмете на руки, и тета Вѣра повинувалась, уговаривая его разными ласкательными именами.

Помимо любви ея къ этимъ ребятамъ, вѣдь это были будущія мужскія души, какъ ихъ тогда называла, то-есть, ея кормильцы и поильцы. Когда же она прѣѣзжала къ намъ въ городъ, я всегда съ восторгомъ ее встрѣчала.

Бывало, такъ и повиснешь у ней на шеѣ, а она уже въ это время побрякиваетъ въ карманѣ, гдѣ у нея вмѣстѣ съ ключами и табакеркой приготовлены конфеты или прянички, казаншіеся мнѣ и слаще и вкуснѣе дорогихъ лакомствъ привозившихся намъ иногда знакомыми отца, и вотъ я тащу ее въ комнату, гдѣ она усаживается на кресло, кладя нога на ногу на которую я и взбираюсь, и она начинаетъ качать меня высоко подбрасывая и пригѣвая: „Ты желанка моя, ты миланка моя“.

Какъ Татьяна Филипповна, такъ и тета Вѣра звали моего отца не иначе какъ „батюшка-братецъ“ и всякое слово его было для нихъ закономъ. Репутация ихъ была самая безупречная, и когда ихъ спрашивали почему онѣ не вышли замужъ (въ то время о которомъ я пишу онѣ были уже старыя дѣвушки), онѣ всегда отвѣчали:

— Хорошіе женихи къ намъ не сватались, а за плохихъ мы сами не пошли.

Судьба Татьяны Филипповны впоследствии была очень печальна. У ней также была одна крѣпостная, или, какъ тогда говорили, одна жеская душа, носившая ей дѣтей и въ числѣ прочихъ одну дѣвочку которую она крестила и къ которой страстно привязалась со всѣмъ пыломъ своего одинокаго сердца.

Все что она сама знала ей передала и относилась къ ней какъ къ родной дочери, и я помню какъ всѣ хвалили эту дѣвушку, но съ ней случилось несчастье, она сдѣлалась беременной и со стыда предъ своею крестной сбѣжала отъ нея, а та отъ горя почѣвалаась. Это случилось съ ней на послѣднемъ году моей жизни дома.

Помѣнательство ея было самое бурное, она все бѣгала ища маленькихъ дѣтей чтобы ихъ зарѣзать, и какъ ясъ такъ и другихъ постоянно отъ нея скрывали; потомъ оно перешло къ такому. Она только стонала, качалась изъ стороны въ сторону, какъ будто отъ какой боли, и рѣдко приходила къ себѣ. Черезъ три года она умерла отъ чахотки, о чемъ я узнала уже въ Смоленскѣ.

Теперь перехожу къ прерванному разказу о моихъ сборахъ въ Петербургъ.

Надо напомнить что на желѣзныхъ дорогахъ, ни шоссе тогда не было, и ѣхавшій за тысячу верстъ какъ бы совершалъ какой подвигъ.

Отецъ и мама рѣшили отпривантъ меня съ тетей Вѣрой въ своемъ экипажѣ на своихъ лошадахъ, назначивъ кучеромъ прикащика Михайла какъ самое надежное лицо. Выдвинули изъ сараи зеленую бричку, осмотрѣли ее и нашли ее годною сдѣлать тысячеверстную дорогу, подобрали тройку лошадей могущихъ выдержать этотъ путь, и отецъ назначилъ день выѣзда 2-го августа.

Мама заливаясь слезами стала укладывать все нужное въ мой чемоданчикъ, отпуская также со мной кованый погребельъ, наполнивъ его разными сладкими пирогами, конфетами и пряниками и между прочимъ уложила стклянку съ гофманскими каплями, наказывая тетѣ Вѣрѣ въ случаѣ моего нездоровья накапать ихъ на сахаръ и дать ихъ мнѣ. Мама находила что онѣ мнѣ всегда помогали когда сильно расплачусь. Я же очень любила ихъ на сахарѣ, и помнится что даже отравила ими свою любимую кошку, желая ее полечить.

О себѣ скажу что въ это время я только и думала какъ бы скорѣе ѣхать, и мнѣ очень нравилось всеобщее за мною ухаживаніе. Дворовые кѣловали меня, говоря что я уйдю маленькой, а прѣйду къ нимъ большою барышней; всѣ вѣдь знали что меня увозятъ на девять лѣтъ, даже няня ласкала меня, говоря что вѣрно я ее забуду, но привязанность моя къ ней въ это время какъ будто исчезла.

Наконецъ наступилъ день отъѣзда. Послѣ напутственнаго молобва сѣли за столъ обѣдать. Отецъ посадилъ меня рядомъ съ собою, взялъ было ложку чтобы ѣсть супъ, и вдругъ ее опять назадъ положилъ и слезы покатылись изъ его глазъ!

— Чувствую что уже въ послѣдній разъ сижу здѣсь съ тобою, Мама, и больше уже никогда съ тобой не увижусь, сказалъ онъ.

Мама же и за столъ не садилась, она лежала тутъ же на диванѣ обливаясь слезами. У меня слезъ не было, но внутри что-то страшное стало происходить, и я съ тревогой поглядывала на всѣхъ.

Послѣ обѣда бричку съ кучеромъ Михайломъ отпривали впередъ и велѣли остановиться на горѣ, а меня съ тетей Вѣрой пошли всѣ провожать. И вотъ когда мы приближались къ этой горѣ, у меня какъ будто что-то оборвалось въ сердцѣ. Съ громкимъ рыданіемъ бросилась я къ мамѣ, обхвативъ руками ея ноги, и меня едва могли оторвать отъ нея. Всѣ плакали навзрыдъ, даже маленький братишка мой съ которымъ мы такъ часто осорились и тотъ утиралъ платкомъ глаза.

Отецъ взялъ меня на руки и я ухвативъ его шею руками и крѣпко къ нему прижавшись заливалась слезами. Онъ меня уговаривалъ, но слезы текли и у него изъ глазъ. Усадивъ меня въ бричку,

наложенную до верха подушками и наказавъ тетѣ Вѣрѣ беречь меня какъ зеницу ока, онъ крѣпко поцѣловалъ и перекрестилъ меня.

— Христосъ съ тобой! сказалъ онъ, — съ Богомъ! Трогай, Михайла!

Это были послѣдній поцѣлуй и послѣднія его слова, больше уже никогда мы съ нимъ не свидѣлись. Лошади тронулись, а я высушившись изъ брички и поддерживаемая тетей Вѣрой сквозь слезы стала глядѣть какъ намъ махали платками, но вотъ послѣдній взмахъ и все скрылось за пригоркомъ.

Прощай Галичъ! Прощай все родное, ставшее съ этихъ поръ такими дорогими.

III.

Я не помню первыхъ впечатлѣній въ дорогѣ, не помню городовъ, какими мы ѣхали, но знаю что ѣхали не на Москву. Экипажъ нашъ не ломался и лошади шли хорошо. Михайлу было приказано отцомъ больше пятидесяти верстъ въ сутки не дѣлать и шибко не ѣхать чтобы не растряссти ребенка, какъ онъ говорилъ, значить въ дорогѣ мы должны были пребыть около трехъ недѣль. Но вотъ къ концу нашего путешествія я стала чувствовать недомоганіе, ничего не ѣла, меня знобило и болѣла голова, и моя тетя Вѣра перепугалась, но тутъ же вспомнила что вѣдь есть цѣлебное лекарство, гофманскія капли, и сейчасъ же мнѣ дала порядочный пріемъ на сахаръ и видя что не помогаетъ, еще и еще пріежь. Пользы не было, а показалась рвота. Но вотъ мы уже въѣзжаемъ въ Петербургъ.

Я встрепелась и съ любопытствомъ стала глядѣть, и прежде всего меня поразило что всѣ, какъ мнѣ показалось, ѣдутъ вонъ изъ Петербурга. Я сказала объ этомъ тетѣ Вѣрѣ и та заволновалась.

— Стой, Михайло, стой, кричитъ она, — погляди-ко, знать что-нибудь случилось что всѣ ѣдутъ вонъ изъ Петербурга.

— Да я и самъ, барышня, смотрю да и думаю то же, отвѣчаетъ Михайло.

Лошадей остановили и спрашиваемъ перваго проходящаго мимо насъ: что случилось въ Петербургѣ что оттуда всѣ ѣдутъ? Тотъ смѣясь совѣтуетъ намъ смотрѣть сколько туда ѣдетъ.

Мы успокоились и лошади тронулись. Въ Петербургѣ для нашего пріѣзда все обстоитъ благополучно.

По приказанію отца, мы остановились у нашего крѣпостнаго крестьянина, какого-то подрядчика. Помню, мы вошли въ комнату

съ грязными стѣнами и такимъ же поломъ изъ щелей котораго слышно дуло.

— Вы бы, Вѣра Филипповна, свезли маленькую барышню въ баню, говорить нашъ хозяинъ, видя что я вся дрожу, — здѣсь недалеко есть отличные номера въ двѣ комнаты съ коврами и даже если захочется пить, можно спросить меду.

Тетя Вѣра послушалась и не покушалась взять хорошій номеръ, и когда меня выжили, мнѣ очень захотѣлось пить и я напомнила ей о медѣ которой она и велѣла намъ подать, и вотъ мы съ ней порядочно повили холоденькаго медку.

Какъ доѣхали изъ бани и что со мною было, я уже узнала послѣ изъ разказовъ тети Вѣры которая страшно перепугалась, видя меня въ жару и безъ памяти, и бросилась къ знакомымъ моего отца, Адамсъ, усадьба которыхъ была недалеко отъ нашей, и такъ какъ они жили въ Петербургѣ, то отецъ какъ сосѣдь дѣлалъ имъ разныя услуги по управленію имѣніемъ. Когда мы поѣхали въ Петербургъ онъ далъ тетѣ Вѣрѣ ихъ адресъ съ наказомъ обращаться къ Амалии Петровнѣ Адамсъ во всѣхъ затрудненіяхъ по моему опредѣленію въ Смольный.

Это были очень богатые люди, имѣли собственный большой домъ, кажется, на Владимирской улицѣ и держали своихъ лошадей.

Она сейчасъ же съ тетей Вѣрой пріѣхала въ каретѣ и увезла меня къ себѣ. Когда я нѣсколько пришла въ себя, то вижу что лежу въ чистой кровати съ кисейными занавѣсками и возлѣ нея сидятъ мальчикъ который, увидѣвъ что я открыла глаза, сейчасъ же закричалъ:

— Бабушка, она очнулась.

Ко мнѣ подошла пожилая хорошо одѣтая дама.

— Ахъ! матинька моя, вѣдь надо тебѣ везти въ Смольный, говоритъ она, — а то, пожалуй, пропустимъ срокъ и тебѣ могутъ не принять.

И вотъ онѣ съ тетей Вѣрой которая была тутъ же и заливалась слезами начали меня одѣвать, но я и съ ихъ помощію едва удержалась на ногахъ.

По выраженію Амалии Петровны, у меня были только кости обтлутыя кожей и до меня страшно было дотронуться какъ бы и вся не развалилась.

Когда меня одѣли и тепло закутали, мы всѣ втроемъ отправились въ Смольный.

Помню что меня ввели или скорѣе втащили въ большую комнату куда вышла очень дрихлая старушка въ бѣломъ капотѣ и въ бѣломъ чепчикѣ съ оборкой. Это была начальница Адлербергъ въ послѣдній годъ ея жизни.

Меня подвели къ ней и, какъ мнѣ послѣ разказывали, я упала

къ ногамъ ей безъ чувствъ, а она сказала: *Atres Kind* (бѣдное дитя), велѣла тотчасъ же унести меня въ лазаретъ.

Въ Смольномъ были тогда четыре доктора: Корнелиусъ, Ивановъ, Николаевъ и главный изъ нихъ Романусъ; когда же бывали опасно больныя, то приглашали придворнаго доктора Рюль.

Въ себя я не приходила и былъ ли въ лазаретѣ Рюль случайно или за нимъ послали, навѣрно не знаю, но по рассказамъ смотрительницы, онъ осмотрѣвъ меня сказалъ что я не вынесу болѣзни и должна умереть.

— Такъ будетъ же она жить! сказала Романусъ по отъѣздѣ Рюль, и нѣдѣлю часовъ просиживала надо мною борясь со смертію. Долго я была безъ памяти и, по словамъ смотрительницы, не одинъ разъ думали что я кончаюсь. Какимъ это была болѣзнь, не знаю, но до сихъ поръ помню что въ этомъ безпамятетіи мнѣ все казалось что лѣзу на стѣну, обрываюсь, опять лѣзу и что это была страшно мучительная работа.

Но вотъ однажды открываю глаза и слабымъ голосомъ зову маму. Ко мнѣ подошла незнакомая женщина, у ней на глазахъ слезы.

— Мамы вашей нѣтъ здѣсь, говорятъ она, — и вы не дома, а въ лазаретѣ Смольнаго монастыря.

Тогда я припомнила все и прошу позвать тетю Вѣру, но и та уѣхала изъ Петербурга, не смѣла ослушаться батюшки-брата значившаго ей срокъ дольше котораго она не должна была тамъ оставаться, какъ не смѣла прѣхать домой сказать ему въ какомъ оставила меня положеніи. Она очень страдала, но ея словамъ вполнѣ слѣдствія, ожидая навѣстія о моей смерти въ которой не сомнѣвалась.

Услышавъ объ ея отъѣздѣ и почувствовавъ себя одинокой и далекой ото всего роднаго и что такъ будетъ долго, долго, я заплакала горькими слезами. Послали за Романусъ. Онъ былъ въ восторгѣ, видѣ Рюль присудилъ меня къ смерти, а онъ меня вырвалъ у ней, но все же думаю что въ пощечинѣ его обо мнѣ участвовало и состраданіе къ бѣдному отторгнутому отъ семьи умирающему ребенку, и память о немъ съ благодарностію живетъ въ моемъ сердцѣ.

— Ну, теперь мы пойдемъ на поправку, сказалъ онъ, но эта поправка продолжалась очень долго. Помню какъ-то недѣли черезъ двѣ попробовали при немъ свести меня съ постели, но оказалось что я не владѣю ногами и сейчасъ же упала, и какъ онъ смѣлся говоря: — Вотъ мы съ тобой теперь пара, я на своихъ костыляхъ, а ты на своихъ, хотъ кадрили танцовать.

Онъ не владѣлъ ногами и въ лазаретъ его носили въ креслахъ.

Это былъ сѣдой, высокій старикъ, суровый и строгій, его всѣ очень боялись, но со мной былъ ласковъ. Разспрашивалъ о домѣ, род-

ныхъ, и когда рассказывал о нихъ и о тетѣ Вѣрѣ я готова была плакать, онъ утѣшалъ меня, говоря что мы непремѣнно эту тетю Вѣру выищемъ, и видя мое сомнѣніе прибавлялъ:

— Ну какъ она можетъ не прѣхать, когда мы ее выищемъ, и я готова была вѣрить, видѣ мнѣ было только восемь лѣтъ.

Наконецъ дѣло дѣйствительно пошло на поправку. Сначала меня водили подъ руки и учили ходить, но день ото дня я дѣлалась все крѣпче и крѣпче, и Романусъ сказалъ что черезъ недѣлю выпустить меня изъ лазарета, но не иначе чтобы я еще двѣ недѣли не училась, а пробыла это время въ маленькомъ лазаретѣ, находившемся на одномъ коридорѣ съ дортуарами (спальнями).

Въ это время какъ я лежала въ лазаретѣ приносили другихъ маленькыхъ больныхъ, остававшихся тамъ не подолгу. Я съ ними знакомилась и онѣ со мной были ласковы, рассказывали объ учителяхъ, классныхъ дамахъ.

Отъ нихъ я узнала что по просьбѣ тети Вѣры я была назначена въ дортуаръ классной думы Ма—вой, бывшей такъ же какъ и я Костромской губерніи: она думала что мнѣ будетъ у нея лучше, но вышло какъ разъ наоборотъ, но объ этомъ послѣ.

Съ нетерпѣніемъ ждала я дня выхода изъ лазарета, но вотъ на послѣднихъ дняхъ моего тамъ пребыванія привели къ намъ одну дѣвочку, С—ву.

Это было маленькое, смугленькое, юное существо, съ косыми глазами, съ большими оттопыренными ушами, съ остроколючею головою наверху которой торчалъ вихорь. Она постоянно гримала погги и они у ней на полонину были обкусаны.

Приездивъ въ лазаретъ, она первое знакомство со мной начала съ того что чуть меня не прибила и еслибы не надзирательница за больными, очень добрая женщина (звали ее Марьей Васильевной), она непремѣнно бы это исполнила. Марья Васильевна Романусъ особенно велѣлъ наблюдать за мной. Когда его привосла послѣ этого въ лазаретъ, она ему пожаловалась на С—ву и, Боже мой! что сдѣлалось съ моимъ старикомъ, и даже испугалась увидя его танамъ. Онъ застучалъ костылями, закричалъ:

— Какой у ней *febris catharralis*, (какъ было написано у ней на доскѣ надъ кроватью) у ней просто *febris* притворилась, и велѣлъ се сейчасъ же отвести обратно въ классъ.

Уходя изъ лазарета, она погрозила мнѣ кулакомъ, сказавъ:

— Выходи только отсюда, я тебѣ задамъ, видѣ мы съ тобой въ одномъ дортуарѣ, и этимъ отравила мои ожиданія.

Наконецъ наступилъ этотъ день. Я пробыла въ лазаретѣ, какъ мнѣ сказали, ровно два мѣсяца.

Надо сказать, въ то время лазаретъ былъ очень далеко отъ классовъ и обыкновенно больныхъ сажали завернутыми въ одеяло въ особо устроенное кресло безъ ножекъ, по бокамъ съ длинными палками, за концы которыхъ брались два служителя и несли, а впереди шла классная дама. Несли долго, поднимались и опускались по какимъ то лѣсенкамъ; но выдвораживающія уходили сами въ сопровожденіи женской прислуги которой было по двѣ на каждый дортуаръ. Меня же Романусъ и изъ лазарета велѣлъ такимъ же образомъ, завернутою въ одеяло и въ больничномъ бѣломъ балахонѣ, отнести въ дортуаръ, наказавъ еще разъ чтобы двѣ недѣли продержали меня въ маленькомъ лазаретѣ въ то время какъ другія пойдутъ въ классъ учиться.

Когда меня принесли, служашая дѣвушка ввела меня въ огромную комнату, по обѣимъ сторонамъ которой, съ проходомъ по серединѣ, стояли кровати, возлѣ каждой изъ нихъ по столику, а въ концѣ по табуреткѣ. На обѣихъ концахъ этой комнаты стояло по большому столу, за которыми, когда я вошла, сидѣло много дѣвочекъ. Былъ какой-то праздникъ и классовъ не было. Меня подводить къ одному изъ нихъ, всѣ смотрять съ любопытствомъ, но я уже издали вижу моего маленькаго врага, который коварно улыбался давая мнѣ мѣсто около себя.

Классной дамы въ это время не было за столомъ.

Начинается разговоръ. С—ва спрашиваетъ меня:

— Ты была жирандольки? Я отвѣчаю что не знаю что такое жирандольки. Она меня толкаетъ больно локтемъ въ бокъ, такъ что у меня навертываются слезы.

— Mesdames, она не знаетъ что такое жирандольки, а сама опять толкаетъ въ бокъ. Одна изъ дѣвочекъ поддерживаетъ С—ву и говоритъ что она была жирандольки и что они очень вкусны. Всѣ смѣются. Продолжается допросъ моею мучительницей.

— Ты кого обожашь? и на мой отвѣтъ что не знаю что такое обожать, она меня больно щиплетъ и я готова разрыдаться, мысленно призывая Романусъ. Но тутъ всѣ за меня всгунялись, закричали на С—ву, говоря что пойдутъ жаловаться m-me Ма—вой и начали мнѣ рассказывать что такое обожать. Это старается видѣть обожаемый предметъ, который былъ обыкновенно изъ дѣвизъ старшаго класса, и когда она мимо проходитъ, то кричать ей вслѣдъ: ange, beauté, incomparable, céleste, divine et adorable, разумѣется не при классной дамѣ, потомъ писать обожаемое имя на книгахъ и тетрадахъ съ восклицательными знаками и съ прибавленіемъ тѣхъ же самыхъ словъ.

Но я иначе поняла это обожаніе и подумала что вѣрно няню

обожала, но не смѣла сказать. Тогда вспомнила что передъ моимъ отъѣздомъ изъ дома старшая сестра моя, которую только за недѣлю передъ этимъ привезли изъ пансіона, говорила мнѣ что въ Смольномъ воспитывается одна изъ ея подругъ Машенька Перелешина, которая вмѣстѣ съ ней одно время была въ пансіонѣ и которой она велѣла мнѣ передать поклонъ, вотъ я и сказала что обожаю ее, но предметъ выбранный мною должна была пробить это время въ маленькомъ лазаретѣ, и оно было самое тоскливое для меня.

Въ восемь часовъ утра мои подруги поварно уходили въ классъ и предъ учениемъ въ рекреационномъ залѣ онѣ читали молитвы, послѣ чего имъ давалось по полустакану молока и по куску булки. Меня же отводили въ маленькій лазаретъ, назначеніе котораго было больше для страдающихъ зубами и куда по пятницамъ прѣзжалъ зубной врачъ Вагенгеймъ и дергалъ зубы живущимъ въ томъ надобность; но въ то время какъ я была тамъ, никого не было кромѣ надзирательницы этого лазарета m-me В—de, худой съ желтоватымъ капризнымъ лицомъ старухи, и ея прислуги Ильзы, казавшейся мнѣ похожей на колдунью изъ сказокъ Аграфены Петровны. Это была дѣтъ 80-ти старуха, смотрящая постоянно внизъ и что-то бормотавшая на непонятномъ мнѣ языкѣ. На ней былъ надѣтъ какой-то ватный чепецъ изъ-подъ котораго выбивались космы сѣдыхъ волосъ. Ни та ни другая не обращали на меня никакого вниманія, только въ 12-ть часовъ приносили мнѣ обѣдать.

Иногда я слышала, какъ за перегородкой гдѣ онѣ сидѣли отворялась дверь и входилъ молодой человекъ съ сердитымъ лицомъ (ея сынъ). Начинался разговоръ на непонятномъ мнѣ языкѣ, превращавшійся скоро у m-me В—de въ плачь, а у него въ крикъ. Всегда кончалось тѣмъ что онъ уходилъ сильно хлопнувъ дверью, такъ что все дрожало, и снова воярится тишина прерываемая только сморканьемъ m-me В—de, бормотаніемъ Ильзы да тиканьемъ часовъ.

Съ большимъ нетерпѣніемъ ждала я пяти часовъ вечера чтобы уйти въ дортуаръ, куда возвращались къ этому времени дѣвочки изъ класса.

Наконецъ прошли эти двѣ недѣли. Мнѣ принесли коричневое хамлетовое платье, бѣлый полотняный передникъ, пелернику и рукавички и поставили въ пару чтобы идти въ классъ.

Помѣстали меня съ самыми слабыми ученицами, такъ какъ я и читать еще не умѣла, но послѣ перенесенной мною болѣзни у меня оказалась очень хорошія способности и отличная память, такъ что я скоро догнала и перегнала моихъ подругъ и черезъ годъ была переведена въ 1-е отдѣленіе, гдѣ были лучшія ученицы.

Кромѣ того изъ болѣзненнаго хилаго ребенка я превратилась въ здоровую краснощеку дѣвочку и во все почти девять лѣтъ ни разу не была въ лазаретѣ; даже во время эпидемическихъ болѣзней, напримѣръ, кори, scarlatini и проч., была въ числѣ немногихъ незараженныхъ.

Когда я въ первый разъ отправилась вмѣстѣ со всеми въ столовую, то просила показать мнѣ Перелешину, которая въ это время была въ голубомъ классѣ; послѣ объясню эти названія. У каждаго класса были совершенно отдѣльные столы, и я могла только издали на нее глядѣть, и вотъ внезапно у меня загорѣлась сильная къ ней привязанность: вѣдь одно ее имя мнѣ напоминало далекое родное! Я не кричала ей когда она мимо меня проходила: *ange, beauté* и такъ далѣе, но когда ее видѣла, то темнѣло въ глазахъ и билось сильно сердце.

Помню что я просила одну изъ подругъ передать ей поклонъ отъ сестры и, когда она подошла ко мнѣ и стала разсуживать о ней, я была въ большомъ восторгѣ и долго жила этимъ, вспоминая каждое ее слово.

Эта привязанность, единственная не давшая мнѣ никакого горя, продолжалась четыре года. Ее звали изъ Смольнаго раньше выпуска.

IV.

Теперь буду говорить о своей классной дамѣ Ма—вой, отъ которой была въ зависимости все 8 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ, находясь въ ея дортуарѣ. Когда я поступила, это была старая дѣвица лѣтъ подшестидесять. Лицо у ней было смуглое, испорченное оспой, съ длиннымъ носомъ и широкимъ ртомъ съ большими желтыми зубами, волосы были черные съ просѣдью; носила она всегда чепчики съ яркими лентами, синее платье и красную турецкую шаль. На третьемъ пальцѣ у ней было надѣто черное эмалевое кольцо съ золотыми словами и, если которая изъ дѣвочекъ досаждала ей, то сгибая этотъ палецъ, старалась кольцомъ ударить прямо въ темя провинившейся.

Она внушала намъ что мы не должны любить родителей, а любить только ихъ, такъ какъ тѣ только дали намъ жизнь. Но эти внушенія производили совершенно обратное дѣйствіе; чувствовалась обида въ сердцѣ за своихъ родныхъ, которые еще съ большею любовью вспоминались, а къ ней наивна въ сердцѣ ненависть.

Кромѣ того, она часто заставляла насъ писать доной о присмѣлкѣ

денегъ, на которыя ничего почти не покупала, и онѣ у ней бесслѣдно исчезали.

Какъ вообще она къ намъ относилась приведу слѣдующій разказъ.

Въ маленькомъ классѣ, то-есть, въ кофейномъ, классными дами по вечерамъ помогали намъ готовить уроки къ слѣдующему дню, и вотъ однажды, года черезъ два послѣ моего поступленія, сидимъ мы все за столомъ въ дортуарѣ, и по правую руку отъ Ма—вой. Приготовляли урокъ изъ Закона Божія, и Ма—ва разказывала какъ Духъ Святый снизшелъ на Дѣву Марію и, желая объяснить это нагляднымъ образомъ, нагнулась ко мнѣ открыть широко свой ротъ и дохнула прямо мнѣ въ лицо, я невольно отшатнулась, а глядя на меня сидѣвшія напротивъ двѣ дѣвочки не могли удержаться отъ смѣха, и вотъ она съ силою вытаскиваетъ насъ всехъ трехъ изъ за стола, толкаетъ къ стѣнѣ и грозя каждой передъ носомъ пальцемъ, кричитъ съ пѣной у рта:

— Я левъ, а зѣбра! Я метательница! Не любите меня, но бойтесь хуже зѣбра! Я вамъ дамъ дурной атестатъ и васъ никто замужъ не возьметъ!

Во время своего дежурства въ классѣ, она, постоянно дремавшая, вдругъ проснется и бѣда той съ которой она встрѣтится глазами, сейчасъ же ей закричитъ: „Встань и стой!“ или вытащитъ ее за рукавъ и поставитъ среди класса, то-есть, накажетъ совершенно виновинную, и мы должны были молча свистѣть. Протестъ съ нашей стороны сочли бы за дерзость. Конечно, это пріучало насъ къ терпѣнью, и въ жизни, можетъ-быть, нѣкоторымъ оно и пригодилось, и еслибы практиковалось ей собственно для этой цѣли, можно было бы и извинить, но вѣдь мы чувствовали что она насъ всехъ за что-то ненавидитъ и платила ей тѣмъ же.

Особенно она преслѣдовала одну слабую добрую дѣвочку, которую мы все очень любили за ее кротость и перехлѣзавъ фамилію звали Курочкой.

И вотъ отъ этой-то особы мы должны были зависѣть все девять лѣтъ, особенно тѣ которыя были въ ея дортуарѣ, такъ какъ подъ ея наблюдениемъ оставали и лежали спать, а также, какъ я уже говорила, готовили съ ней уроки.

Припоминается мнѣ, когда мы были въ кофейномъ классѣ, послѣ того какъ обѣ классныя дамы (ихъ было по двѣ на каждую спальною) уложивъ насъ уходили къ себѣ, нѣкоторыя въ нашѣмъ дортуарѣ, въ томъ числѣ и я, потихоньку собирались къ одной которой-нибудь на кровать и любили разказывать и слушать что-нибудь страшное.

Одинъ изъ этихъ разказовъ, который мы знали почти наизусть, особенно намъ нравился. Вотъ онъ.

Одна молодая девушка похвалялась своим подружкам что в 12-ть часов ночи одна пойдет на колокольню. Ей не вѣрили, но она пошла и въ доказательство что была там принесла савань, съ кого-то будто ею сдернутый, и вот съ тѣх пор каждую ночь къ окошку ей кто-то подходит и кричитъ: „подавай мой савань! Подавай мой савань!“

Тогда съ общаго совѣта ее одѣли во все бѣлое, причастили и отправили возвращать савань на ту же колокольню въ 12-ть часовъ ночи.

Но тутъ слѣдовали уже разные варианты, зависящіе отъ разказицы. Одна говорила что на другой день не нашли ни дѣвушки, ни савана, другая разказывала что когда она туда вошла, колокольня рухнула и она исчезла, но главная суть была въ томъ чтобы какъ можно страшнѣе сказать: „подавай мой савань! Подавай мой савань!“

Что касается до меня, то я больше любила слушать, и вотъ однажды, помнится мнѣ, слушая эти разказы, мысленно перенеслась я за тысячу верстъ. Сумерки. Мы сидимъ съ Аграфеной Петровной въ дѣтской. Она прядетъ, а я у ея ногъ на скамеечкѣ. Веретено жужжитъ и она прикусывая нитку и своеобразно ею шелкая, навывая на него, начинаетъ сказку, стараясь одѣлать голосъ свой страшнымъ:

Всѣ по саламъ спать,
По деревнямъ спать,
Одна баба не спитъ,
Моя ладъ соесть,
Моя шерстку прядетъ.

Но какъ разъ въ это время гаснетъ свѣтъ, и мечты мои разлетаются. Дрожа отъ страха и толкая другъ друга мы бѣжимъ къ нашимъ кроватамъ. Провсходитъ небольшой шумъ, въ дверяхъ показывается классная дама и кричитъ: silence! А мы бросаемся на наши постели, зарываясь съ головой въ одѣло.

Говори въ началѣ этой главы о Ма—вой, не могу не вспомнить добромъ другихъ классныхъ дамъ которыя относились къ намъ справедливо, внушая хорошія и честныя правила.

Особенно изъ нихъ была прекрасная личность Радищева которая обращалась съ нами какъ мать съ дѣтьми, а потомъ смѣнившая ее Дитмаръ; классная дама Самсонова была очень строгая, но справедливая, мы уважали и боялись ее. Конечно, онѣ всѣ были большія формалистки и до нашего внутренняго міра имъ никакого не было дѣла, да и не было никакой возможности проникнуть въ него. Видѣ у каждой изъ нихъ насъ было по двадцати человѣкъ и болѣе.

Свой внутренній міръ мы открывали другъ другу. Отъ этой замкнутости получалось особенное едваніе и дружба. Мы интересовались всѣмъ что касалось каждой изъ насъ, и это была какъ будто одна дружная семья, состоявшая изъ полутора ста человѣкъ.

Тогда какъ я поступила, въ одномъ зданіи Смольнаго были двѣ половинки: одна на которую я была принята называлась благородной и тамъ воспитывались дѣти дворянскаго происхожденія, ученіе которыхъ продолжалось 8 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ. Туда принимались дѣвочки съ восьмилѣтняго возраста.

Другая половина называлась мѣщанской, хотя, кажется, мѣщанскихъ дѣтей тамъ не было, а больше дѣти чиновниковъ не дворянскаго происхожденія. Ученіе здѣсь продолжалось 6 лѣтъ.

Воспитанницы обѣихъ половинокъ видѣлись только въ церкви, хотя ухитрились между собою ссориться. Такъ, я помню, подъ запертую садовую калитку подошнута была къ намъ съ той половиною записка въ стихахъ, гдѣ насъ упрекали въ гордости, совѣтуя чаще читать басню о гусиныхъ и кончалась эта записка словами басни:

„Да, наши предки Римъ спасли.“

При насъ произошло переименованіе обѣихъ половинокъ. Нашу стали звать Николаевской, а мѣщанскую Александровской.

На нашей половинѣ было три класса.

Младшіе назывались кофейными и носили коричневаго цвѣта платья. Средній классъ назывался голубымъ и платья были голубаго цвѣта, а старшій выходной вочену-то назывался бѣлымъ, хотя платья носили зеленаго цвѣта. Въ кофейномъ и голубомъ должны были пробить по три года, въ бѣломъ 2 года и 9 мѣсяцевъ.

Переходили изъ класса въ классъ не по ученію, а обязательно по истеченіи опредѣленнаго срока. Такъ въ нашемъ классѣ были двѣ воспитанницы, которыя при выпускѣ едва умѣли написать свои фамиліи, ихъ учителя уже и не вызывали къ отвѣту уроковъ, а только ставили въ книгѣ нули, но онѣ были смиренны и ихъ держали, тогда какъ С—ву (которая спрашивала меня про жирандольки) исключили изъ Смольнаго, главное за то что не могли отучить ее отъ поспадной привычки тащить все чужое.

При переходѣ изъ класса въ классъ мы мѣнили и помѣщеніе, но классныя дамы оставались при насъ тѣ же и переходили вмѣстѣ съ нами.

Ихъ было по восьми на каждый классъ, состоящій изъ полутора ста человѣкъ, значить, во всѣхъ трехъ классахъ было приблизительно 450 воспитанницъ; нѣкоторыхъ брали раньше выпуска, и число это уменьшалось.

Обѣдали всѣ въ одной столовой, громадной залѣ, раздѣленной

двумя рядами колоннъ, по срединѣ ихъ помѣщались бѣлыя, а за ними съ одной стороны голубыя, а съ другой кофейныя.

При каждомъ классѣ было по одной инспектрисѣ. Въ то время какъ я поступила въ старшемъ классѣ была Денисьева, въ голубомъ Пачулидзева, а въ нашемъ, то-есть, въ кофейномъ, инспектрисой была Бельгардъ, мать кавказскихъ героевъ. Карла и Валеріана Александровичей, и я помню какъ Государь, пріѣхавшій къ намъ и которому начальница ее представила, хвалилъ ихъ названъ молодецами.

Начальницей на нашей половинѣ, то-есть, на Николаевской, была Адлербергъ, которая вскорѣ умерла и мѣсто ея заступила Марья Павловна Леонтьева, урожденная Шипова, оставшаяся на этой должности до самой глубокой старости.

На Александровской половинѣ была своя начальница, фамилія ее была Кассель.

Главный же начальникъ всего въѣмъ былъ принцъ Петръ Георгиевичъ Ольденбургскій, пріѣзжавшій къ намъ каждую недѣлю.

Въ каждомъ классѣ были 4 отдѣленія: два первыхъ гдѣ были лучшія ученицы, и два вторыхъ съ болѣе слабыми. Отдѣленія эти назывались городскими и нескими, по именамъ выходившихъ на улицу и на Неву. Намъ преподавали: законъ Божій, исторію, географію, математику, русскую словесность, французскій и нѣмецкій языки.

Въ кофейномъ классѣ все это преподавалось въ скатомъ видѣ, въ голубомъ въ болѣе обширномъ, а въ бѣломъ еще обширнѣе и кромя того въ этомъ послѣднемъ классѣ преподавали на французскомъ языкѣ ботанику, минералогію, зоологію и физику, все это, конечно, въ скатомъ видѣ.

Физическій кабинетъ былъ подаренъ Смольному шведскому королю Густавомъ III, портретъ котораго висѣлъ у начальницы въ залѣ напротивъ портрета Божкаго.

Въ благодарность за это принимались на казенный счетъ шесть шведскихъ, дворянскаго происхожденія, дѣвочекъ. Изъ нихъ со мной были приняты: Граффельдъ, Меликъ, Торстенъ-Тавастъ, Ребиндеръ, Шанцъ и самая маленькая изъ нихъ графиня Кройгельмъ которой не было еще и восьми лѣтъ.

Это было очень миниатюрное существо съ шанкою вьющихся золотого цвѣта волосъ. Она ни слова не говорила по-русски и тоненькимъ голоскомъ распѣвала шведскую пѣсенку съ причѣвомъ: „Лики, лики, лонда, тра-ла-ла-ла.“ Начальница, должно-быть, что-нибудь объ ней докладывала императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, и ее велѣно было привести во дворецъ, гдѣ она пробыла цѣлый день, играла и рѣзаясь съ великими князьями и потѣшала всѣхъ познаниемъ

и непониманіемъ что такое государь, государыня и всѣ окружающіе ихъ люди. Особенно залюбовалась она на золотыя рыбки, и великая княжна Александра Николаевна научила ее подойти къ государю, бывшему въ это время тутъ, дернуть его за фалду и сказать указывая на рыбокъ: „Царь, рыба“, что она сейчасъ же и исполнила, сказавъ вмѣсто рыба—рыба. Можно представить себѣ взглядъ императора Николая Павловича на этого маленькаго пигмея, думавшаго, дѣловито, въ это время: „И какой же этотъ дядя высокій что и должна смотрѣть на него какъ на небо.“ Все это мы слышали отъ нашихъ классныхъ дамъ, а тѣ отъ начальницы вознившей ее во дворецъ. Вслѣдствіе это была талантливая, красивая, стройная, высокая дѣвушка, съ такими длинными вьющимися червоннаго цвѣта волосами что когда она ихъ расчесывала, они покрывали ее какъ еванча.

Въ каждомъ классѣ были свои учителя и рѣдкіе изъ нихъ преподавали во всѣхъ трехъ классахъ. Изъ нихъ помню: инспектора Тимаева читавшаго въ бѣломъ, т.-е., въ старшемъ классѣ русскую исторію, Чистякова — русскую словесность, Шембергъ — географію, Буссе—математику, Помье—физику. Но особенно вѣдалась въ память личность Никитенка, пензора, хотя я была тогда еще въ кофейномъ классѣ и видѣла его только въ актовомъ залѣ.

Это былъ средняго роста брюнетъ съ вьющимися черными волосами и блестящими черными глазами, и онъ рѣзко выдѣлялся среди другихъ учителей. Имя его постоянно повторялось воспитанницами бывшего тогда при мнѣ бѣлаго, т.-е., старшаго, класса которыя его боготворили, а послѣ ихъ выпуска заступившія ихъ мѣсто голубыя чуть не плакали, узнавъ о подачѣ имъ прошенія объ отставкѣ и немногимъ изъ насъ, значить, вышло счастье быть согрѣтымъ этимъ свѣтлымъ лучомъ.

За преподаваніемъ зорко слѣдили чтобы не было какого опаснаго вѣянія и чтобы хотя кончикъ не былъ приподнятъ той завѣсой которая отдѣляла насъ отъ того таинственнаго, волшебнаго и прекраснаго во нашихъ понятіяхъ міра который былъ за нашими стѣнами.

Насъ никуда не выпускали; даже если кто изъ родителей воспитанницы, живущій въ Петербургѣ, опасно занемогалъ и желалъ видѣть ее, то она отпускаясь на нѣсколько часовъ въ сопровожденіи классной дамы и не иначе какъ съ разрѣшенія императрицы которое испрашивала начальница.

Лѣто мы проводили въ нашемъ огромномъ саду, съ широкими симметрически расположенными и усыпанными пескомъ аллеями, об-

несенномъ со стороны Невы высокою каменною стѣной, а съ другой стороны зданіями Смольнаго.

Здѣсь съ самаго утра, если дождя не было, собирались все три класса, и я бывало выбирала и садилась на скамейку по близости того мѣста гдѣ читала или занималась Машенька Перелешнина, и была совершенно счастлива, хотя она и не подозрѣвала этого.

Одинъ разъ въ лѣто насъ водили попарно въ Таврической садъ, отстоящій, какъ извѣстно, недалеко отъ Смольнаго, но улицама тогда еще плохо застроеннымъ и пустыннымъ, такъ что мы почти никого не встрѣчали, но все-таки въ огражденіе насъ по бокамъ шли полицейскіе, и въ это время въ Таврической садъ никого изъ постороннихъ не пускали.

Придя туда мы большею частію ходили попарно, развѣ на какой дужайкѣ позволить намъ побѣгать, зорко слѣдя чтобы не убѣжалъ кто въ сторону. Потомъ опять собирали насъ въ пары и мы возвращались въ Смольный въ такомъ же порядкѣ и въ сопровожденіи тѣхъ же полицейскихъ.

Зимой въ хорошую погоду водили попарно гулять въ садъ, а въ дурную также попарно черезъ холодные, свѣтлые съ каменнымъ поломъ коридоры, въ громаднѣйшую въ два свѣта пустую и холодную залу, кругомъ которой обводили насъ разъ пять также по парамъ, послѣ чего и возвращались въ классы. Зала эта, какъ говорили, при Екатеринѣ II служила мѣстомъ для спектаклей изъ воспитанницъ, куда прѣбывала императрица со своимъ дворомъ, но при насъ эта зала стояла въ запустѣніи и не имѣла никакого назначенія.

Надо опять напомнить что все описываемое мною было 60 лѣтъ тому назадъ, когда не было еще желѣзныхъ дорогъ и когда сообщеніе съ Петербургомъ было очень трудно: многіе родители дальнихъ губерній, подобно моимъ, не имѣли возможности навѣщать своихъ дѣтей. Не видя никого изъ родныхъ до самаго выпуска, многія изъ насъ забывали средства и образъ жизни своихъ родителей, иногда очень бѣдныхъ и, слушая рассказы богатыхъ подругъ, родители которыхъ жили въ Петербургѣ и часто ихъ навѣщали, начинали думать что послѣ выпуска будутъ такъ же выѣзжать и блескать въ обществѣ какъ собиралась перница, не подозрѣвая что, можетъ-быть, сейчасъ же по выходѣ изъ Смольнаго должны зарабатывать свой хлѣбъ и идти въ гувернантки, а къ этому-то насъ и не готовили. Никто не говорилъ намъ что жизнь требуетъ труда и къ этому надо имѣть и навыкъ и готовность, а все это какъ будто умышленно скрывали, и мы думали что за стѣнами нашего монастыря идетъ вѣчный жизненный праздникъ въ которомъ мы все будемъ участвовать. И

вотъ съ такими-то понятіями, съ такимъ незнаніемъ жизни мы вступали въ свѣтъ, и нѣкоторыя попадая къ недобросовѣстнымъ людямъ погибали, но вмѣстѣ съ этимъ должна сказать что много знаю и такихъ изъ которыхъ вышли терпѣливыя, твердыя, самоотверженныя женщины, какъ, напримѣръ, Ельчанинова, впоследствии Невельская которою не только мы, бывшія ея подруги, должны гордиться, но должна гордиться и Россія что у ней были такія женщины. Объ ней я буду еще послѣ говорить.

V.

Въ 1842-мъ году былъ первый при мнѣ выпускъ.

Въ числѣ прочихъ выходили: Полтавцева, впоследствии, какъ я слышала, мить Скобелева, двѣ сестры Каховскіе, дочери декабриста, Кашукова, знатнаго рода Калмычка поражавшая насъ своимъ типомъ лица: чрезвычайно выдающіеся скулы, узенькіе какъ шелки продолговатые глаза, смугло-желтоватый цвѣтъ лица и черные волосы. Но при этомъ она была стройна и улыбка ея была очень симпатична. Она владѣла огромнымъ превосходнымъ голосомъ и когда прѣбывалъ кто изъ царской фамиліи, то ее всегда заставляли пѣть и въ числѣ прочихъ романсовъ непременно:

Аль опять не видать
Прекней красной доли, и т. д.

Кончала также воспитаніе Тереза Гурійская, изъ владѣтельскихъ грузинскихъ царевенъ. Это была очень веселая, большая хохотунья и красная дѣвушка, портила ее излишняя полнота, отчего ходила переваливаясь какъ уточка. Послѣ выпуска она оставалась въ Смольномъ на особомъ положеніи и занимала тамъ очень хорошее помѣщеніе. Векорѣ она была сосватана за князя Дадіанъ, и государь былъ посаженнымъ отцомъ, а великая княгиня Ольга Николаевна называла ей вѣчальную вуаль.

Не могу не вспомнить при этомъ выпускѣ такъ называемаго императорскаго вечера, бывшаго предъ экзаменъ танцевъ, музыки и пѣнія для выпускныхъ дѣвицъ, на который прѣбывала почти вся царская фамилія.

По окончаніи экзамена на которомъ пѣла соло Кашукова, Купферъ, Свассарова должна была состояться кадрили, въ которой хотѣли принять участіе и высочайшія особы, въ томъ числѣ и великіе князья

Николай Николаевич и Михаил Николаевич, ходившие тогда еще в курточкахъ, но государь узнавъ что они забыли взять перчатки, уладил ихъ сейчасъ же домой, хотя начальница и предлагала имъ свои. Они прошли мимо насъ смущенные въ сопровожденіи какого-то пожилаго господина въ статскомъ платьѣ, и мы очень имъ сочувствовали.

Это послужило темой правоученія для нашей Ма—вой, когда мы пришли послѣ этого въ дортуаръ.

— Видѣли вы что и паренкихъ дѣтей наказываютъ, не только что васъ, негодяекъ! (любимое ею намъ названіе).

Послѣ этого выпуска мы переходили въ голубой классъ и начинали считать себя взрослыми дѣвками, хотя никто этого не признавалъ, но уже класснымъ дамамъ было довольно трудно добиться чтобы мы правильно и молча ходили въ парѣ, что вносило достигалось въ кофейномъ классѣ, особенно классною дамою Самсоновой.

Бывало она пересчитавъ всѣ пары и осмотрѣвъ чтобы онѣ были въ стройномъ порядкѣ, какъ офицеръ говорящій своимъ солдатамъ: „смирно“, обернется къ намъ и скажетъ: „silence“, и мы скользимъ безмолвно какъ тѣни по коридору, только слышенъ шелестъ ея шелкового платья.

По переходѣ въ голубой классъ, прибавилось занятій и уроки уже готовили сами, безъ помощи классной дамы. Учители большою частію были другіе.

Помните мнѣ, въ это время привезли въ нашъ классъ новенькую, это была княжна Го—ва. Ея мать, какъ говорили, жила въ Италіи и перешла въ католичество, и отецъ желалъ удалить дочь отъ вліянія матери отдалъ ее къ намъ въ Смольный.

Помню ее ходящею одиноко съ заплаканными глазами по нашимъ широкимъ аллеямъ. Она ни слова не говорила и не понимала по-русски, а только по-французски, и мы этимъ почему-то возмущались и рѣшили, если она заговоритъ по-французски, отвѣчать ей по-русски; но она скоро привыкла къ намъ, училась очень хорошо и была веселою, доброю подругой. Впоследствии у ней оказался превосходный голосъ soprano. Ей были даны нѣкоторыя льготы, такъ, напримѣръ, воелѣ ея кровати поставили комодъ съ небольшимъ на немъ кѣтомъ съ образами, и каждый почти день навѣщали ее отецъ или старшія сестры, а боина постоянно приносила ей завтракъ состоявшій изъ котлетъ или чего-нибудь вкуснаго, дразнящаго нашъ аппетитъ.

Надо сказать что насъ очень плохо кормили, мы всегда были голодными. Не говорю уже изъ какой провизіи и какъ были приготовлены кушанія, съ этикъ, пожалуй, мы бы и примирились, еслибы хотя порція были побольше, или давали достаточно чернаго хлѣба.

но все это было такъ аккуратно размѣрено что изъ-за стола мы выходили всегда голодными, а мы вѣдь росли и постоянно были въ движеніи.

Помню, за ужиномъ въ число двухъ полагающихся кушаній давали миниатюрный квадратикъ чухонскаго масла, иногда сильно отдававшій скиндаромъ, въ которомъ было наполовину кусковъ соли, такъ что имъ едва покрывался тонкій ломъ чернаго хлѣба, а когда бывалъ чуть, чуть подслащенный клюквенный кисель, то для сытости мы его намазывали какъ масло на хлѣбъ.

Не знаю, чья была эта вина, но говорили что раньше до насъ было иначе; столъ былъ гораздо сытнѣе и лучше, мы же вынесли девятилѣтнюю голодовку, но за то когда была свадьба наследника, впоследствии императора Александра II, насъ захотѣли хорошенько угостить и подали за обѣдомъ жаренаго гуся нарѣзаннаго огромнѣйшими кусками. Намъ онъ такъ понравился послѣ нашей голодовки что мы эти куски съѣли безъ остатка съ придачей на каждую двухъ большихъ слоенныхъ пироговъ съ вареньемъ; накушавшись довольно половинна изъ насъ отправлена была въ лазаретъ.

Денегъ намъ не позволялось имѣть на рукахъ, онѣ должны были быть у той классной дамы, въ дортуарѣ которой была воспитанница, но тѣ, у которыхъ родные жили въ Петербургѣ, постоянно имѣли при себѣ эту контрабанду и часто просили солдата дававшего намъ звонки купить что-нибудь съѣдобное и въ числѣ этого непременно излюбленные маковники и по сезону мороженныя яблоки.

Настоящее имя этого солдата было Степанъ, но онъ намъ казался какъ бы обросшимъ мохомъ, и мы прозвали его Мохинимъ, и вотъ когда Мохинъ даетъ утренній звонокъ въ 6 часовъ, и когда классныя дамы только просыпались, воспитанница давшая наканунѣ ему деньги на покупки торопливо бѣжитъ ихъ получать, и тотъ пугливо озирался (его выгнали бы еслибы поймала) начинать выкладывать изъ своихъ кармановъ, а что туда не уложилось, вытаскивалъ изъ-за голенищей своихъ сапоговъ (это я видѣла нѣсколько разъ сама) всѣ эти съѣдобныя прелести, не давая ни отчета въ деньгахъ, разумеется, ни сдачи, еслибы такая приходилась, а воспитанница получившая покупки бѣжитъ опрومتью въ дортуаръ гдѣ и дѣлится всѣмъ съ подругами, и тотчасъ же все тутъ и съѣдается.

Чтобы покончить съ этой голодовкой, забѣгу нѣсколько впередъ.

Когда послѣ выпуска я была уже дома, одинъ нашъ знакомый возвратившійся изъ Петербурга, у котораго были связи съ высшемъ кругомъ, зная какъ дорого мнѣ все касающееся Смольнаго, разказалъ мнѣ слѣдующее. Передаю такъ какъ слышала.

Въ какомъ-то маскарадѣ одна маска своимъ остроуміемъ заинте-

ресовала императора Николая Павловича и между прочим сказала ему как плохо кормят воспитанниц Смольного монастыря. На это будто государь отвѣтилъ что кормят ихъ хорошо, такъ какъ прѣзжая туда онъ пробуетъ эти кушавія, хотя простые, но очень вкусныя.

— Но вѣдь о прѣздахъ нашего величества знаютъ тамъ за три дня, говоритъ маска, — и вы прѣзжаете съ параднаго подъѣзда, но если вамъ угодно проверить справедливость моихъ словъ, то вамъ нужно будетъ подъѣхать къ другому крыльцу ведущему въ кухню, и рассказала подробно какъ найти этотъ подъѣздъ.

Это было, говоритъ мой знакомый, на масленицѣ, а уже на первой недѣлѣ Великаго поста государь подъѣхалъ въ своихъ санкахъ прямо къ тому подъѣзду на который указала маска.

Входитъ въ кухню и видитъ кипитъ огромный котелъ, и на вопросъ: что варится? ему говорятъ что уха. Онъ схватилъ большую ложку и сталъ искать рыбы, но ему только изрѣдка попадались какіе-то несчастные пискарики. Остальное кушанье было подобное первому.

Государь, говорятъ, былъ очень разсерженъ, и послѣдствіемъ его посѣщенія, какъ говоритъ мой знакомый, было совершенное измѣненіе къ лучшему въ лицѣ воспитанницъ.

VI.

На второй годъ моего пребыванія въ голубомъ классѣ Машеньку Перелешину взяли изъ Смольнаго домой, и я почувствовала себя совсѣмъ одинокой. Вѣдь такъ скучно жить для себя и одною своею жизнью.

И вотъ является у меня новая привязанность въ лицѣ подруги одного со мной класса Д. Стра—вичъ. Это была такая сильная, чистая и возвышенная привязанность, наполнявшая и срасявлявшая всю остальную сѣрую, будничную институтскую жизнь что я не могу обойти ее въ своихъ воспоминаніяхъ, хотя можетъ и вызову у некоторыхъ насмѣшливую улыбку; но такъ же какъ и первая привязанность она дала мнѣ не мало страданій.

Не могу не вспомнить тебя, моя дорогая, такъ многолюбивая мною подруга! Ты мысленно сейчасъ со мною. Я вижу твое блѣдное личико съ большими голубыми глазами и слегка оттянутою большою носой назадъ головкой и всю твою полную грацію фигуру. И слышу твой музыкальный слабый голосъ и твой легкій кашель, такъ меня трево-

жившій. Если ты жива и эта книга попадетъ къ тебѣ въ руки, то не забудишь ли ту, которой впоследствии, послѣ выпуска, писала что теперь только поняла, какая была моя къ тебѣ привязанность и знаешь что тебя никогда и никто не въ состояніи такъ любить какъ я. Я же знала это всегда!

Впоследствии влеченіе мое къ ней и себѣ объяснила влеченіемъ сильнаго къ слабому. Я вѣдь говорила что изъ меня вышла сильная, здоровая дѣвушка, она же была слабое, хрупкое созданіе, но при этомъ была очень умна, что для меня всегда было первымъ обаяніемъ въ человѣкѣ, и играла отлично на ролли, что было также не малымъ обаяніемъ для меня.

Главнымъ страданіемъ въ этой привязанности былъ страхъ за ее здоровье. Она часто хворала и, вспоминая свою умершую чахоткой мать, говорила что вѣроятно и она тѣмъ же кончитъ, и этими словами надрывала мое сердце. Не нахожу словъ описать мое мученіе которое испытывала когда ее уносили въ лазаретъ и большею частію отъ какой-нибудь грудной болѣзни.

Навѣщать ее въ лазаретъ было невозможно. Намъ было это строго запрещено и считалось уголовнымъ преступленіемъ, грозившимъ исключеніемъ изъ Смольнаго.

Впоследствии я поняла почему такъ строго на это смотрѣли.

Смольный монастырь такое громадное зданіе и въ немъ было столько жителей изъ разныхъ служанихъ что пуститься одной по этимъ пустыннымъ коридорамъ, какъ бы по безлюднымъ улицамъ, было опасно, да и къ тому же надо было знать туда хорошо дорогу; я вѣдь говорила что лазаретъ былъ очень далеко отъ классовъ.

Сообщеніе у больныхъ со здоровыми было письменное чрезъ женскую прислугу.

Долго хранилась у меня и послѣ выпуска пѣлая пачка ея писемъ, начинающихся всегда: „Милая Вароша (такъ звали меня подруги перенявшая мою фамилію Вороновой), приготовь и пришли мнѣ тотъ или другой заданный урокъ“. Но за то сколько было радости когда она поправлялась и выходила изъ лазарета. Мы были съ ней въ одномъ отдѣленіи, въ первомъ, уроки у насъ были общіе и мы готовили ихъ вмѣстѣ. Это время было самымъ лучшимъ для меня. Занятія наши иногда прерывались, она жѣтко и остроумно говорила о какой-нибудь институтской злобѣ дня, и я такъ любила ее слушать. Память у меня была лучше, но она никогда не узнала этого. Я притворялась что не могу запомнить то что давно уже знала, шала ея самолюбіе и давая ей возможность тверже заучивать урокъ; зная иногда его лучше, отиѣчала ‘учителю на тотъ балъ который она должна была бы получить, еслибы ее вызвали. Письменные же занятія которыхъ все

больше и больше прибавилось всегда дѣлала за двоихъ. У нея, какъ она говорила, отъ нихъ болѣла грудь. Иногда не успѣвая кончить ихъ днемъ, вставала часа въ три ночи, запасаясь накануне свѣчкой изъ починка, и отправлялась въ классъ, свѣща приготовить уроки до утренняго звонка, то-есть, до 6 часовъ.

Я не считала это для себя трудомъ, а скорѣе наслажденіемъ, помогая ей, и скажу что эта привязанность дѣйствовала на меня благотворно, приучая къ труду и отгоняя скуку которой никогда не знала, будучи постоянно занята, а если когда выпадало свободное время, то у меня всегда была въ запасѣ для чтенія книга, къ которому имѣла пристрастіе съ тѣхъ поръ какъ научилась читать, но книги эти было довольно трудно доставать, хотя у насъ и была своя библіотека. Въ голубомъ классѣ мы пробавлялись дѣтскимъ журналомъ „Звѣздочка“ и если по каталогу спрашивали какую другую книгу, то большею частію получали въ отвѣтъ что намъ еще этого читать нельзя, а потому тѣ которыя имѣли родныхъ въ Петербургѣ запасались отъ нихъ этою контрабандой и одолжая подругъ, просили не попадаться класснымъ дамамъ.

Помню, какъ однажды заручившись „Пиковою Дамой“ Пушкина, данной мнѣ на срокъ, свѣшила кончить ее въ урокъ чистописанія. Совершенно углубившись въ чтеніе, вдругъ чувствую что у меня эту книгу ташать и взглянуть, вижу классную даму Самсонову, о которой говорила раньше. Книга была конфискована, а меня поставили среди класса, что считалось большимъ наказаніемъ. Но этимъ не кончилось. Послѣ урока началось слѣдствіе, кто далъ книгу, и такъ какъ я упорно молчала, то была опять наказана съ угрозою довести мой поступокъ до свѣдѣнія инспектрисы.

Эти наказанія были для меня ничто въ сравненіи съ тѣмъ нравственнымъ наказаніемъ которое испытывала, слушая справедливыя упреки подруги давшей книгу и не имѣя средствъ купить и отдать ей взамѣнъ новую, такъ какъ у меня въ рукахъ никогда не бывало денегъ, ихъ присылали на имя Ма—вой, а это значило совѣтъ ихъ не имѣть.

Читая объ этихъ двухъ моихъ привязанностяхъ въ Смольномъ монастырѣ, не подумайте что онѣ вытѣснили все для меня далекое родное. Нѣтъ, эта святаяя глубоко жила въ моемъ сердцѣ и чѣмъ дальше шли годы, тѣмъ дороже были воспоминанія о нихъ и тѣмъ невозможнѣе, казалось, ихъ снова опять когда-нибудь увидѣть.

Письма изъ дома всегда писалъ отецъ. Изъ нихъ узнала о рожденіи брата, о смерти его сестры Татьяны Филипповны, о выходѣ замужъ моею старшей сестры и, наконецъ, о рожденіи послѣдней меньшой. Получая письмо, я прежде чѣмъ распечатать цѣловала его,

воображая что цѣлую руку отца, а потомъ уже со слезами начинала читать и сейчасъ же заяя его наизусть прикладывала по порядку къ другимъ и, когда мнѣ становилось уже очень грустно объ этомъ далекомъ родномъ, то я тогда начинала читать эти письма отъ перваго до послѣдняго.

Я была уже послѣдній годъ въ голубомъ классѣ когда они вдругъ прекратились, и несмотря на просьбы къ отцу увѣдомить меня о причинѣ молчанія отвѣта не получала. И вотъ въ одинъ день, о, какъ я хорошо его помню, это было 3 апрѣля на Сватоѣ, число это я тогда записала въ свое *broillon* (тетрадь для разныхъ замѣтокъ), я вдругъ проснулась какъ будто чего испугавшись, и слезы сами собою неудержимо потекли изъ глазъ, и такъ продолжалось цѣлый день.

Чтобъ избавиться отъ разспросовъ подругъ, я ушла въ классъ (праздники мы проводили время въ дортуарахъ) и тамъ дала волю слезамъ, обливая ими письмо къ отцу и умоляя его скорѣе мнѣ отвѣтить.

По этой необъяснимой тоскѣ я уже не сомнѣвалась что дома что-нибудь случилось, думая больше о мамѣ, такъ какъ въ послѣднемъ письмѣ отецъ говорилъ что она прихвариваетъ.

Черезъ нѣсколько времени я получила отвѣтъ отъ сестры съ извѣстіемъ что 3-го апрѣля скончался отецъ и незадолго до смерти вспоминалъ обо мнѣ. Велико было мое горе!

VII.

Начало этой главы хочу посвятить воспоминаніямъ о царской фамилии, иногда насъ пощипавшей.

Императоръ Николай Павловичъ бывалъ рѣдко, но когда прѣбывалъ былъ милостивъ и простъ въ обхожденіи съ нами, также и императрица Александра Феодоровна прѣбывавшая чаще и всегда въ сопровожденіи своихъ дочерей тогда еще великихъ княжъ Ольги Николаевны и Александры Николаевны.

Княжны были въ высшей степени обаятельными особы и, мнѣ кажется, будь онѣ и не царскія дочери, обаяніе ихъ было бы не меньше.

Не мало тогда говорилось объ умѣ и красотѣ великой княжны Ольги Николаевны, но кто ее не видалъ, тотъ и понять не можетъ какое это было совершенство. Оставя уже правильность линий ея лица, напоминавшаго черты лица государя, ее нѣжную бѣлизну съ легкимъ

румянцемъ, надо было видѣть выраженіе ея прелестныхъ нѣсколько грустныхъ голубыхъ глазъ, ея очаровательную улыбку, видѣть эту царственность соединенную съ простотой. При этомъ она была высока ростомъ и стройна и походка ея была полна величія и граціи. Я такъ и вижу ее въ бѣломъ легкомъ платьѣ, въ нашемъ саду, стоящею съ нѣкоторыми старшими посетительницами въ кругу за веревочкой.

Игра эта состояла въ томъ что одна изъ бѣлыхъ стоящи въ кругу должна была прикоснуться къ плечу которой-нибудь и онѣ бѣгутъ въ разные стороны, стараясь занять оставленное мѣсто въ кругу. Когда же участвовали въ этой игрѣ великая княжна, то ее всегда выбирали замѣняя прикосновеніе рукой поцѣлуемъ въ плечо. И вотъ она граціозно скользитъ, сѣдша занять оставленное ею мѣсто и ей это всегда удается, и ее выбираютъ снова и снова. Румянецъ ея усиливается и придаетъ особенный блескъ и безъ того прелестнымъ глазамъ, и глядя на нее, кажется, и не налюбуешься.

Помню въ какомъ я была негодованіи, увидѣвъ ея изображеніе въ одномъ французскомъ иллюстрированномъ журналѣ, хотя тамъ и было сказано: *La princesse Olga, dit-on, est la plus belle princesse du monde.* Я готова была изорвать этотъ журналъ осмѣлившійся изобразить ее такою и вообще, сколько я ни надала ей портретовъ, ни одинъ не могъ меня удовлетворить.

Великая княжна Александра Николаевна была также хороша, но рядомъ съ сестрою красота ея, конечно, теряла, но обаяніе ея было въ граціи, жизнерадостности и веселіи. Она бывало какъ птичка порхаетъ между нами. Надо сказать что когда прѣзжала кто изъ царской фамиліи, насъ ставили въ залѣ ланіями и, такъ какъ императрица Александра Феодоровна любила видѣть красивыя лица, то въ первые ряды выбирала самыхъ хорошевыихъ, пряча въ середину дурныхъ, хотя бы онѣ были и изъ первыхъ ученицъ, и вотъ она, какъ будто зная это, летитъ въ эту середину, раздвигая ряды своими прелестными ручками, а тамъ уже ихъ ловятъ и пѣлуютъ, а она сквозь улыбку, стараясь сдѣлать серьезное лицо, такъ мило погрозила пальчикомъ и скажетъ: „Я этого не позволяю“, что тѣмъ такъ и захочется, какъ онѣ потомъ говорили, не послушаться ее и, расцѣловать этотъ прелестный грозный пальчикъ.

По выходѣ замужъ великой княжны Александры Николаевны мы больше ея не видали. Она вскорѣ захворала, вѣсти объ ея болѣзни доходили до насъ все тревожише и тревожише и, наконецъ, мы услышали объ ея смерти которая насъ очень огорчила. Какъ-то не вѣрилось что это прелестное жизнерадостное существо навсегда для насъ потеряно.

Послѣ ея смерти императрица Александра Феодоровна прислала нашей начальницѣ письмо копія съ котораго долго у меня хранилась, но потомъ затерялась. Я знала его наизусть, теперь же могу припомнить только нѣсколько слѣдующихъ словъ: *et je vous prie, ma chère Madame Leontieff, de dire a nos enfants surtout, quoique mon Adine fut très jeune, elle était très avancée dans la voie de la religion.*

Послѣ смерти великой княгини Александры Николаевны государыня прѣзжала съ великою княжной Ольгой Николаевной. Вотъ въ это-то время я и запомнила ее стоящею за веревочкой, какъ я выше рассказывала.

По выходѣ замужъ за принца Виртембергскаго она вмѣстѣ съ нимъ прѣзжала къ намъ въ Смольный, а оставшая Россію, желая съ нами проститься, была у насъ вмѣстѣ съ императрицею Александрой Феодоровной, и вотъ когда провожая ее мы заплакали, какъ хорошо помню я, она прислонясь къ дверямъ, закрыла одною рукою лицо и крупныя слезы покатались по ея пальцамъ, государыня же сдѣлала намъ знакъ рукою чтобы мы не плакали. Это было послѣднее ея къ намъ посѣщеніе.

Теперь скажу о принцѣ Петрѣ Георгіевичѣ Ольденбургскомъ, посѣщавшемъ насъ каждую недѣлю, въ заведеніи котораго состоялъ Смольный монастырь.

Многіе еще, вѣроятно, помнятъ, какой это былъ превосходный, полный доброты человекъ.

Онъ былъ большой любитель музыки, и ему мы были обязаны что слышали всѣхъ выдающихся артистовъ того времени, прѣзжавшихъ въ Петербургъ.

Такъ, помню, у насъ въ Россіи, два раза играли Листъ большею частію сочиненій Шопена, играла Клара Викъ, вышедшая замужъ за Шумана съ которымъ вмѣстѣ я прѣзжала къ намъ. Слышали очаровательное пѣніе Тамбурины. Особенно запомнилось тріо изъ Лючіи исполненное имъ съ сыномъ и дочерью, но не могу не остановиться на воспоминаніи объ игрѣ на скрипкѣ Эрвста. Впечатлѣніе этой игры и самая его фигура такъ и вѣзались въ моей памяти. Высокаго роста, очень худой, блѣдный, съ головой и лицомъ обросшими черными волосами и съ печально-строгими глазами.

Не помню всѣхъ игравшихъ имъ пѣсь, ихъ было много, но хотѣлось слушать его безъ конца и послѣ каждой изъ нихъ думалось со страхомъ: неужели это послѣдняя?

Но вотъ онъ заигралъ свою алегію и, Боже мой, сколько было тутъ тоски и муки и какъ рыдала его скрипка! Даже наши юныя

сердца невольно скались от непонятной намъ печали и у многихъ были на глазахъ слезы.

Но нѣтъ, онъ не захотѣлъ оставить насъ подлѣ этихъ впечатлѣннѣе и, кончивъ элегію, не отнимая скрипки отъ плеча заигралъ *Carnavale de Venise*, и сразу вся зала наполнилась веселіемъ. Тутъ слышенъ былъ и шумъ, и визгъ, и хохотъ, и мы съ восторгомъ улыбаясь поглядывали другъ на друга. Аплодировать намъ не позволялось. Это былъ чарующій и блистательный апофеозъ его игры которыми онъ и закончилъ.

Хочу еще въ этой главѣ вспомнить два воспоминанія.

Первое о нашихъ казенныхъ балахъ, бывавшихъ въ именныя государя, государыни и въ Новый годъ. Съ самаго утра въ этотъ день мы уже нѣсколько волновались, а съ шести часовъ вечера начинали причесываться.

Были между нами особыя мастерицы, замѣнявшія парикмахеровъ, и тѣмъ всегда было много работы. Изъ нихъ особенно помню въ нашемъ классѣ княжну Пу—ну 1-ю. Изъ было двѣ. Въ этотъ день намъ приносили вмѣсто полотняныхъ передниковъ съ лифчиками тонкіе коленикорюны; шелерюны и рукавчюны на балъ не надѣвали, а у нѣкоторыхъ на шеѣ былъ черныи узкій бархатецъ. Вотъ и весь нашъ бальный туалеть.

Въ восемь часовъ вечера классныя дамы вели насъ цинно, въ парю въ ярко освѣщенную громадную залу, по обѣимъ сторонамъ которой были бѣлыя колонны, а между ними невысокая балюстрада того же цвѣта, за которой возвышались нѣсколько амфитеатромъ были прикрѣпленныя къ полу лавки бѣлаго же цвѣта. На нихъ помѣщались съ одной стороны голубой, а съ другой кофейный классы, а бѣлыя были по срединѣ залы. Онѣ танцовали между собой за кавалера и за даму: кадрили, вальсъ, польку, приглашая на танцы нѣкоторыхъ голубыхъ и очень рѣдко кофейныхъ, которыя были только зрительницами.

Въ концѣ залы поставлены были кресла для начальницы съ нѣкоторыми приглашенными ею гостями, большею частію дамами почтеннаго возраста. Тутъ же сидѣли инспектрисы, инспекторъ, а изъ учителей приглашаемъ былъ одинъ Никитенко.

Танцующихъ кавалеровъ не было, за исключеніемъ старичка генерала съ сильно трясущеюся головою, Бунина, двѣ дочери котораго были одного со мною класса, а старшая въ бѣломъ классѣ. Мы всѣ его очень любили и звали дѣдушкою.

Оркестръ музыкантовъ у насъ былъ свой, и въ этотъ вечеръ онъ несъ былъ въ сборѣ. Намъ давали оркестръ и что-то изъ лакомствъ.

Потомъ служащія при дортуарахъ дѣвушки приносили въ корзинахъ бутерброды изъ чернаго хлѣба съ масломъ и кускомъ телятины сверху, а въ 12 часовъ былъ ужинъ. Въ эти дни мы были сыты.

Второе воспоминаніе относится къ обѣду съ выигрышами.

Въ Крещеніе на каждый классъ запекались въ пироги продѣ бемскихъ по три боба. Пироги эти рѣзались на 12-ть кусковъ на каждое блюдо, и прислуга разносившая ихъ не знала въ которомъ они заечены. На каждомъ изъ этихъ трехъ бобовъ была особенная отмѣтка. Одинъ назывался царией, и выигравшая его получала бомбоньерку съ конфетами, на верху которой была прикрѣплена небольшая бронзовая корона. Второй бобъ былъ фрейлаша съ выигрышемъ тоже бомбоньерка съ конфетами и съ поткнутою розой сверху ея, а третій, о которомъ я нечала пѣть шесть лѣтъ и будучи въ бѣломъ классѣ его выиграла, назывался секретаремъ. Выигрышь этотъ состоялъ изъ небольшого тисненой кожи портфеля со всѣми письменными принадлежностями.

Раздача этихъ выигрышей была очень торжественна. Присутствовали: начальница, инспектрисы, инспекторъ и экономъ въ рукахъ котораго и были всѣ эти выигрыши.

Надо было видѣть съ какимъ стараніемъ и волненіемъ каждая получившая свой кусокъ пирога, расцѣпывала его на мелкіе кусочки, надѣясь найти который-нибудь бобъ; воцарялась даже на нѣсколько секундъ тишина.

Помню въ какомъ я была восторгѣ найдя своего боба - секретаря и не вѣрила даже глазамъ своимъ. Мы выигравшіе всѣ девять человекъ, по три изъ каждого класса, вышли изъ-за стола, провожаемые завистливыми взглядами подругъ и восклицаніями: „счастливицы!“ и подошли къ начальницѣ, которая взявъ выигрышь изъ рукъ эконома и передавая его воспитанницѣ, поздравляла ее. Помню, какъ получила свой портфель и прикавъ его къ сердцу, не чувствовала отъ радости ногъ подлѣ собой, возвращаясь изъ мѣсто.

Когда пришли въ дортуаръ, я стала разсматривать свое сокровище. Онъ заперался хорошенькимъ ключикомъ. Въ немъ было нѣсколько отдѣлений съ почтовою бумагой и конвертами, а въ серединѣ были: дюжина стальныхъ перьевъ съ ручкой, перочинный ножикъ, карандашъ, сургучъ и маленькая линейка.

Я сейчасъ же переложила туда изъ сшитой мною картонной сумочки письма отца и записки изъ лазарета Д. Ст.—ничъ и была въ этотъ день такъ счастлива. Это вѣдь была моя первая собственность.

Мнѣ казалось что тѣ у которыхъ были родные въ Петербургѣ не могли ощущать такой радости нѣтъ и шкатулки и портфели, а также и бывшія въ дортуарахъ другихъ классныхъ дамъ, а не Ма—вой, покупавшихъ на нихъ деньги все для нихъ необходимое.

Долго и послѣ выпуска хранился у меня этотъ портфель и только при переѣздѣ изъ одного мѣста въ другое онъ былъ въ числѣ прочихъ вещей затерянъ.

VIII

Въ 1845 году былъ при мнѣ второй выпускъ воспитанницъ и второй приемъ маленькихъ поступившихъ въ кофейный классъ.

Изъ этого выпуска я запомнила Обручеву, получившую первый шифръ и бывшую впоследствии въ Смольномъ, какъ я слышала, такою любимой и популярною инспектрисою.

Вторая ея сестра шла первою въ нашемъ классѣ, а третья также была изъ первыхъ въ слѣдующемъ за нами классѣ.

Это сестры бывшего начальника Штаба Н. Н. Обручева, котораго помню хорошо, когда онъ прѣзжалъ къ сестрамъ бѣлокурнымъ кудрявымъ кадетникомъ.

Еще мнѣ припоминается изъ этого выпуска Бригина, дочь декабриста сосланнаго въ Сибирь. О ней у насъ ходили слухи что будто государемъ было обѣщано, если она получитъ шифръ, то отецъ ея будетъ прощенъ.

Знаю что она его получила, но мнѣ неизвестно оправдался ли эти слухи.

Выходила также съ шифромъ Бунина, сестра нашихъ Буяницъ и дочь того старика о которомъ говорила раньше. Ему разрѣшалось прѣзжать къ дочерямъ во всякое время.

Для свиданія съ родными назначены были два дня въ недѣлю, а именно: въ четвергъ съ пяти часовъ до семи вечера и въ воскресенье съ половиною перваго до двухъ часовъ дня.

Родные сперва принимались въ актовомъ залѣ, то-есть, въ той гдѣ бывали балы и которую описывала въ прошедшей главѣ. Они садились на скамейки, а вызываемыя ими воспитанницы стояли за балюстрадой, и я знала изъ разказовъ подружекъ что многіе изъ нихъ роптали на это и уѣзжали раньше звонка, жалѣя дѣтей которымъ приходилось такъ долго стоять.

Впоследствии при мнѣ сдѣлалась переѣзда въ этомъ отношеніи; родныхъ стали принимать въ рекреационной залѣ гдѣ они вмѣстѣ съ дѣтьми могли сидѣть на скамейкахъ.

Выпускъ воспитанницъ, какъ и всѣ выпуски, былъ въ мартѣ мѣсяцѣ, и мы перешли изъ голубаго въ послѣдній бѣлый классъ. Было нами прожито въ Смольномъ шесть лѣтъ, оставалось еще 2 года и 9 мѣсяцевъ, и какъ-будто занималась заря сулившая свободу, а съ ней и все прекрасное, по нашимъ понятіямъ, ожидавшее насъ за стѣнами нашего монастыря. Съ переходомъ въ бѣлый классъ прибавилось много занятій, но вмѣстѣ съ этимъ чувствовалась подъемъ духа и энергія.

Еще на послѣднемъ году голубаго класса у насъ была проба голосовъ и имѣвши ихъ, въ числѣ которыхъ была и я, стали обучаться церковному пѣнію чтобы занять мѣсто вышедшихъ воспитанницъ на двухъ клиросахъ нашей домовою церкви. Учителемъ былъ Манушинъ.

У насъ оказалось много хорошихъ голосовъ, особенно у Чеченской, у регентованной нами въ церкви Бунинной 1-ой и у Елены Полициной (правяучки Суворова).

Пѣніе наше такъ понравилось митрополиту Антонію, служившему бала два въ нашей церкви, что онъ уподоблялъ его пѣнію ангеловъ. При переходѣ въ бѣлый, перемѣнивъ помѣщеніе дортуаровъ и классовъ, мы и сами какъ-будто перемѣнились, признавая себя большими дѣвками и относясь покровительственно ко вновь поступившимъ маленькимъ кофейницамъ. Да и классныя дамы перемѣнили съ нами обращеніе и не примѣняли къ намъ никакихъ наказаній кромѣ выговоровъ, только Ма — на оставила за собою привилегію бранить насъ при всякомъ удобномъ случаѣ, называя негодяйками.

Первое что при переходѣ въ бѣлый классъ заставляло радостно биться наши сердца, это предстоящее на Святой катанье о которомъ я говорила раньше. Черезъ 6 лѣтъ мы даже и представить себѣ не могли этого ощущенія.

Намъ вѣжливо было къ этому времени связать изъ пунцовою шерсти шапочки вроде маленькихъ капорокъ и, помню, мнѣ его связала Д. Ст—ничъ. Наступилъ давно желанный день.

Прѣехали дворники кареты запряженныя четверней съ форейторами. Мы надѣли наши красныя шапочки и зеленые камлотовыя салопы и въ этомъ одѣвціи всѣ казались страшно блѣдными. Въ каждую карету посадили 5 воспитанницъ. Шестое мѣсто занимала классная дама и, такъ какъ ихъ не хватало, то должность ихъ замѣняли воспитанницы старшихъ годовъ.

Меня назначили въ числѣ другихъ пяти изъ нашего дортуара въ карету Ма—вой напротивъ которой запада мѣсто Д. Ст—вичъ.

Мы тронулись, сопровождаемые по бокамъ каретъ жандармами верхами.

Наша Ма—ва нахѣла на себя какой-то невозможный черный карпоръ дѣлавшій ее похожею на воронье пугало и сейчасъ же задремала качаясь изъ стороны въ сторону, а мы и рады были этому, передавая вполголоса свои впечатлѣнія, любуясь невиданными нами новыми предметами, великолѣпными домами и этою повсюду снующею толпою.

Но вотъ мы подъѣхали къ самому мѣсту катанья. Кареты почему-то остановились и наша Ма—ва просыпается.

Вдругъ мы видимъ и слышимъ, какъ одинъ господинъ изъ публики, стоявшей къ намъ очень близко, показывая въ упоръ на нашу карету, говорить другому стоящему съ нами рядомъ:

— Посмотри какал у этого окошка сидитъ хорошенькая, а классная-то дама напротивъ какъ чучело, и оба смѣются.

Конечно, это не дѣлало чести ихъ воспитанію, хотя судя по одеждѣ они были изъ интеллигентовъ и намъ слѣдовало бы, соблюдая законы приличія, и вида не показывать что мы слышимъ ихъ слова, но насъ одолѣлъ мозговой смѣхъ, отъ котораго мы все тряслись, стараясь отъ него удержаться и глядя въ противоположное окошко.

Къ довершенію всего одна изъ насъ желала толкнуть ногой другую толкаетъ нечаянно ею Ма—ву, и та обводитъ насъ всѣхъ убійственнымъ взглядомъ Модузы шепчетъ: „Негодяйки! Негодяйки!“

Каждый разъ какъ дѣлая кругъ мы приближались къ тому мѣсту, гдѣ стояли эти господа, мы хотя и старались всѣми силами сдѣлать серьезное лицо, не могли не видѣть, какъ они смѣясь показывали намъ головою и глазами на названное ими чучело.

Въ этомъ не могли намъ помѣшать и жандармы насъ охранявшіе.

По окончаніи катанья сколько было разказовъ, сколько было смѣха при разказахъ объ этихъ двухъ господахъ и Ма—вой. Ея вѣдь рѣшительно никто не забылъ и даже прочія классныя дамы сторовились, глядя на нее какъ бы съ презрѣніемъ.

Слѣдующее катанье на масленицѣ хотя и радовало насъ не меньше, но не произвело на насъ такого впечатлѣнія какъ первое. Оно было уже не ново для насъ.

IX.

Въ бѣломъ классѣ, кромѣ прибавившихся учебныхъ занятій и церковнаго пѣнія, стали обучать италіянскому языку, учителемъ котораго былъ Кавось. Прибавились также уроки рукодѣля, и мы по очереди должны были не ходя въ классъ заниматься имъ, хотя учителя и протестовали, такъ какъ это отвлекало воспитанницъ отъ учения и большая часть изъ насъ стала наверстывать время вставая по ночамъ, а я не знала что и дѣлать, не успѣвая писать за двонть и опасаясь за здоровье Д. Ст—вичъ которая также стала вставать задолго до звонка.

Съ перваго же года поставили въ двухъ огромныхъ рукодѣльных комнатахъ по громаднымъ пальцамъ для вышивки ковра предназначавшагося для дворца.

Коверъ этотъ длиною въ 16 аршинъ долженъ былъ, какъ намъ передавала учительница рукодѣлія, шиваться вмѣстѣ, что она впоследствии такъ искусно исполнила что при самомъ тщательномъ осмотрѣ ниному и въ голову не могло придти что онъ шиваной.

Узоръ и всѣ принадлежности къ нему, какъ тогда говорили, были выписаны изъ Парижа, и мнѣ помнится что особенно хороши были каймы этого ковра. Это были бронзоваго цвѣта, вышитыя въ тѣнь, громадныя львиныя головы съ завитками.

Стали также приготовляться разныя работы гладью.

Учительница танцевъ Кузьмина стала также требовать лишннихъ занятій. Мы должны были протанцовать на публичномъ и императорскомъ экзаменахъ: менуэтъ, гавоть и какой-то фантастическій тавецъ съ шарфами.

Танцевальныя уроки были послѣ классовъ вечеромъ и они отрывали насъ отъ учебныхъ занятій, и тѣ которыя хотѣли добросовѣстно заниматься не имѣли рѣшительно отдыха. Нѣкоторыя же, хотя ихъ было немного, философски разсуждали что не стоитъ безпокоиться и мучить себя, вѣдь все равно всѣхъ выпустятъ и въ наказаніе не оставятъ въ стѣнахъ Смольнаго, не подозревая того что то что казалось теперь наказаніемъ, для ныхъ впоследствии было бы величайшимъ благомъ, еслибы эти стѣны опить ихъ къ себѣ привяли.

А время идетъ да идетъ, и мы приближаемся къ послѣднему году. Учителя уже новаго ничего не задаютъ, заставляя повторить все пройденное, и уже многія сдѣлали изъ свиной бумаги ленты съ обозначеніемъ мѣсяцевъ и чиселъ, отрывая каждый прошедшій день.

Наконецъ наступилъ этотъ желанный и такъ долго ожидаемый 1848 годъ.

Не зря уже, а яркое солнышко нашей свободы показалось на горизонтѣ!

Иногда среди занятій я вдругъ останавливаюсь, и сердце трепетно какъ птица въ клеткѣ забьется. „Да неужели,“ думаю, „я скоро увижу моихъ далекихъ дорогихъ мнѣ существъ, къ которымъ стремилась все девять лѣтъ; итъ, думаю, это невозможно чтобы я могла существовать безъ этихъ стѣнъ и чтобы онѣ могли существовать безъ меня; непременно должно что-нибудь случиться что не дастъ мнѣ испытать этого счастья“, и становится страшно за это счастье.

Послѣ Нового года и Крещенія сейчасъ же начались инспекторскіе экзамены по которымъ назначались награды. Они были строги, но справедливы.

Принимались во вниманіе и балы получаемые воспитанницами въ бѣломъ классѣ; главный балъ былъ 12.

На этихъ экзаменахъ присутствовали: принцъ Ольденбургскій, министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ, начальница, инспектриса и инспекторъ, и по окончаніи ихъ мы уже знали кто и какія получить награды.

Насъ выходило всехъ 140 человекъ и изъ перваго отдѣленія должны были получить: 10 воспитанницъ шифры, 10 золотыя медали, изъ нихъ три большія, три среднія и 4 маленькія, величиной съ цѣлковый, и 15 серебряныхъ медалей, 5 большахъ, 5 среднихъ и 5 маленькхъ. На этихъ медаляхъ вверху было изображено солнце съ лучами на лозы винограда и со словами внизу: „посѣти виноградъ сей“, а на другой изображеніе императора Николая Павловича, внизу котораго стояли слова: „за отличіе“, и выставленъ 1848 годъ.

Во второмъ отдѣленіи, гдѣ были ученицы болѣе слабыя, 10 изъ нихъ получали книги.

Награды эти должны были раздаваться уже по окончаніи публичныхъ и императорскихъ экзаменовъ.

Кромѣ того, каждой воспитанницѣ, въ томъ числѣ и не получившимъ награды, предназначалась небольшая сумма денегъ; тѣмъ кто получали награды больше, остальнымъ меньше; на мою долю приходилось 137 рублей, и каждая изъ насъ получала Евангеліе съ русскимъ и славянскимъ текстомъ.

Намъ заказали бѣлья изъ самой тонкой кисеи со многими складочками платя на юбкахъ бѣлаго гласе каленкора; лифы были открыты съ тюлевыми вышитыми нами самими бертами. Нарядъ этотъ заканчивался очень широкою бѣлою атласною лентой, бантъ и концы которой были назадъ.

И вотъ, когда на генеральную рететицію танцевъ намъ велѣли

надѣть эти платья, давъ въ руки по легкому розовому шарфу, мы съ удивленіемъ не узнавая глядяли другъ на друга и нима казавшіяся дурнушками вдругъ превращались въ хорошенькихъ, чему способствовало кромѣ платьевъ и возбужденное радостное настроеніе. Изъ дальнихъ мѣстъ за многими уже стали прѣзжать родные, а я получала письмо отъ сестры, которая послѣ смерти отца чтобы не утруждать маму взяла на себя эту обязанность.

Она писала что все съ нетерпѣніемъ меня ждутъ, о мамѣ и говорить уже нечего, но прѣхать ей за мною по слабости здоровья никакъ нельзя, ей же, сестрѣ, оставить ее одну съ маленькими дѣтьми было невозможно и были другія домашнія обязанности по которымъ ей нельзя было отлучиться изъ дома, но что сестра моей мамы (и буду называть ее Марьей Петровной) выѣхала по своимъ дѣламъ въ Петербургъ и общалась взять меня изъ Скольнаго и привезти въ Галичь.

Это уже нѣсколько умалило мою радость. Оставляя то счастье которое дало бы мнѣ свиданіе съ ними, мнѣ такъ хотѣлось чтобы которая-нибудь изъ нихъ была на нашихъ публичныхъ экзаменахъ; и потомъ эта Марья Петровна еще съ дѣтства была мнѣ не симпатична.

По окончаніи инспекторскихъ экзаменовъ начались публичные, сперва учебныя, на которыхъ экзаменовались только получающія награды, и большая часть публики, пускаемая по билетамъ, состояла изъ родителей и родственниковъ воспитанницъ. Потомъ началась музыка. Дѣвъ воспитанницъ играли соло на рояли, а послѣ этого исполнили на 16 рояляхъ, по дѣвъ за каждымъ, въ числѣ которыхъ была и я, уверу „Севильскій Цирюльникъ“. Рояли поставлены были полукругомъ, въ среднѣй котораго стоялъ дирижеръ, кажется, Кавосъ.

Послѣ игры на рояляхъ началось пѣніе. Чечекская и Бунина исполнили арію изъ итальянскихъ оперъ, не заломно только какія, а Helene Голицына два русскіе романа Варламова:

„Ахъ, ты время времечко,
Золотое времечко“, и т. д.

переходящій въ другой романъ:

„Что мнѣ жить и тужить одинокой,
Гдѣ ты мой другъ милый черноокой.“

Послѣ каждого куплета мы должны были пѣть хоромъ:

Что мнѣ жить и тужить и т. д.

Но слова эти намъ несливчкими для насъ и замѣнили слѣдующими:

„Что мнѣ жить и тужить одинокой,
Гдѣ ты мой край родной, край далекой.“

Перемена этих словъ мнѣ очень нравилась, перенося меня мысленно въ мой край родной, край далекий.

Въ числѣ исполненныхъ вслѣдъ за этими романсами италіанскихъ и русскихъ хоромъ пѣли изъ *Аскольдовой Мошны*:

Ахъ, подруженьки, какъ грустно
Круглый годъ жить въ заперти,
Изъ-за стѣнъ лишь любоваться
На широкія поля.

При исполненіи этой пѣсни, такъ къ намъ подходящей, радостно билось сердце при мысли что скоро, скоро уже не изъ-за стѣнъ мы будемъ любоваться на широкія поля, но радость невольна смѣшалась грустью объ этихъ подруженькахъ, готовыхъ разлетѣться въ разные стороны чтобы никогда уже больше не собраться въ такую дружную семью.

По окончаніи пѣнія рюмки были убраны и начались танцы. Мы встали длинными рядами и начали менуэтъ и гавотъ, равномерно и граціозно присѣдая, подавая другъ другу руки, дѣлая глице, чрезъ что и получалась очень стройная движущаяся картина.

Вслѣдъ за менуэтомъ и гавотомъ начался танецъ съ шарфами. Въ первой парѣ были двѣ красавицы сестры, по матери Грузинки, графини Сихоничъ, и мы съ розовыми шарфами вслѣдъ за ними проносились мимо публики, и видъ этихъ молодыхъ, воодушевленныхъ радостію лицъ, былъ прелестенъ, какъ говорили присутствовавшіе тутъ родственники.

Когда окончился этотъ танецъ, публика отправилась смотрѣть наши работы помѣщенные въ одной изъ залъ, на одной стѣнѣ которой висѣлъ громадный коверъ, а на другихъ стѣнахъ расуки воспитанницъ. Были тутъ головки, пейзажи, шѣты. На столахъ разложены работы: капоть для императрицы Александры Феодоровны, вышитый гладью по тончайшей кисеѣ, мантилья для супруги государя наследника цесаревича великой княгини Маріи Александровны изъ бѣлой матеріи, выложенная лиловымъ шнуркомъ; вышитымъ для ея дѣтей гладью платица и много другихъ работъ отличавшихся вкусомъ и изяществомъ.

На императорскіе учебные экзамены, слѣдовавшіе вслѣдъ за публичными, государыня императрица велѣла намъ привезти во дворецъ, и мы отправились въ тѣхъ же каретахъ и въ такомъ же порядкѣ какъ на катанье.

Помню, когда поднимались по лѣстницѣ, то я чувствовала себя какъ бы подавленной и уничтоженной граціозностію и великолѣпиемъ этой лѣстницы.

Насъ ввели въ огромную залу, гдѣ было поставлено нѣсколько рядовъ кресель. Чрезъ нѣкоторое время вышла государыня императрица и заняла мѣсто въ срединѣ переаго ряда, назади помѣстились нѣсколько фрейлинь. Государя не было, но приходилъ неадолго великій князь Константинъ Николаевичъ, бывший тогда женихомъ, нештета же его Александра Іосифовна, какъ говорили, въ это время брала уроки музыки у Геззельта.

При экзаменахъ присутствовала наша начальница Марья Павловна Леонтьева и инспекторъ Тимаевъ. Послѣдній раздавалъ билеты, по которымъ должны были отвѣчать. Экзаменовались такъ же какъ и на публичномъ только получающія награды I отдѣленія.

Императрица, кажется, внимательно насъ слушала, часто поднимая глаза на отвѣчавшую воспитанницу. Въ рукахъ у нея были вилочки, на которыхъ она визала бѣлый шелковый шнурокъ. Послѣ экзамена насъ повели въ другую залу, гдѣ были накрыты столы и мы сѣли обѣдать. Хозяйкой была великая княгиня Марія Александровна, но входили туда неадолго государь и государыня. За столомъ прислуживали безшумно ходившіе Арабы въ чалмахъ и сандалихъ, что насъ очень занимало, мы ихъ видали только на картинкахъ.

Послѣ обѣда мы были отвезены обратно въ Смольный. Послѣ учебнаго экзамена настала и послѣдній, такъ называемый императорскій вечеръ, на которомъ присутствовали государь съ государыней и вся царская фамилія, въ томъ числѣ и нештета великаго князя Константина Николаевича Александра Іосифовна. Она была очень хороша. На ней было бѣлое платье и сбоку въ волосахъ одинъ розовый розанъ. Недоставало только нашихъ очаровательныхъ великихъ княгинь Ольги Николаевны и Александры Николаевны. На императрицѣ было бархатное темногранатовое платье съ открытою шею и короткими рукавами, на головѣ былъ уборъ изъ такого же бархата съ брилліантами, а на шеѣ фермуаръ изъ брилліантовъ съ нитками крупнаго жемчуга, и она, несмотря на свои не молодые лѣта, поражала стройностію, величіемъ и граціей, а шея и руки у нея были совсѣмъ какъ у молодой. Музыка, пѣніе и танцы были тѣ же самые какъ и на публичномъ экзаменѣ, а мы исполняли все это въ тѣхъ же бѣлыхъ кисейныхъ платьяхъ какъ и на томъ, а подъ конецъ вечера была кадриль, въ которой принимали участіе и нѣкоторые члены царской фамиліи. Торжество это закончилось ужиномъ. Накрыты были столы въ этой же залѣ, за которые сѣли государь, государыня и прочіе члены царской фамиліи. Государь въ этотъ вечеръ былъ очень веселъ и со всѣми шутилъ, особенно помню какъ онъ шути обходить со всѣхъ сторонъ принца Ольденбургскаго,

нашего главного начальника, и все ему раскланиваясь, отчего тот казался совсем сконфуженным.

Императрица, уѣзжая, назначила день своего приѣзда для раздачи наградъ. У насъ послѣ этого было нѣсколько репетицій, какъ для полученія ихъ мы должны были подходить къ государынѣ, дѣлая черезъ каждые три шага по реверансу, который долженъ былъ быть глубоко и граціозенъ.

Въ назначенный день насъ всѣхъ получившихъ награды (я получила большую серебряную медаль) повели въ залу, гдѣ сидѣла императрица и тутъ же были принцъ Ольденбургскій, начальникъ и инспекторъ.

Получавшія шифры подошла, какъ ихъ учили, опускались предъ государыней на одно колѣно и она сама прищипывала къ лѣвому плечу шифръ и цѣловала въ щеку воспитанницу, а та цѣловала ее руку. Первый шифръ получала Обручева. Получавшія медали подносили держали руки одна въ другую, ладонями вверхъ, куда и клала императрица медаль, взявъ ее съ блюда отъ инспектора, и каждой смазала нѣсколько словъ. Когда я подошла, она спросила мою фамилію и изъ какого я города и услышавъ что изъ Галича сказала что знаетъ его, это въ Галиціи, но я отвѣтила что этотъ Галичъ въ Россіи, въ Костромской губерніи.

Наконецъ, все это было кончено, но мы должны были пробыть еще нѣсколько дней въ Смольномъ, ожидая часа назначеннаго для выпуска.

Какое это было чудное время! Мы пользовались уже совершенно свободой. Безпрестанно приѣзжали родители и родственники выпускаемыхъ воспитанницъ; приходили модистки съ примѣрами платьевъ и тутъ уже сказались горечь разницы общественнаго положенія и состоянія. Нѣкоторыя у которыхъ родители были очень бѣдны требовали отъ нихъ, не понимая этого, такихъ же дорогихъ платьевъ какія видѣли у своихъ богатыхъ подругъ, и когда тѣ отказывали, онѣ огорчались и плакали.

Про себя же скажу что я вся была поглощена радостною мыслию свиданія съ мамой далекими и дорогими существами, и радость эта вытѣснила всѣ прочія чувства, померкла даже и привязанность моя къ Д. Ст—вичъ; провала и ненависть къ Ма—вой кончаншей вмѣстѣ съ нами для блага будущихъ воспитанницъ свою двадцатилѣтнюю службу, она замѣнилась равнодушіемъ и какъ будто жалостію что ее никто не любилъ и никто о ней не сожалѣлъ.

Приѣхала, наконецъ, и Марья Петровна, сказавшая мнѣ что дома всѣ здоровы и съ нетерпѣніемъ меня ждутъ, но что мнѣ придется съ ней прожить въ Петербургѣ мѣсяца два; во-первыхъ, невозможно

по бездорожицѣ пуститься въ путь, насъ выпускали въ половинѣ марта, а во-вторыхъ, дѣла ея еще не будутъ кончены.

Пришлось съ грустью покориться. Съ ней приѣхала няня моей старшей сестры изъ нашихъ крѣпостныхъ, Анютка Васильевна, ученая швея которую нарочно прислали чтобы она могла мнѣ кое-что сшить. Прислала также мама нѣсколько денегъ на мое содержаніе въ Петербургѣ и на покупку необходимыхъ вещей по выходѣ изъ Смольнаго и куска три шерстяной матеріи купленной ею въ разное время для меня у разнощиковъ, разѣзжавшихъ тогда по усадьбамъ.

Наконецъ наступилъ послѣдній день нашего почти девятилѣтняго пребыванія въ Смольномъ! Не сумѣю разказать что и переживала въ этотъ день. Радость смѣшалась грустію и какою-то жалостію ко всѣмъ остающимся за этими стѣнами и даже къ этимъ стѣнамъ которыя, казалось, безъ насъ должны опротивѣть.

Въ послѣдній разъ мы получили приказаніе надѣть наши бѣлыя платья чтобы въ день выпуска быть всѣмъ одинаково одѣтыми; вручили каждой деньги и Евангеліе и повели въ церковь. Въ послѣдній разъ мы встали на клиросы и пропѣли молебень, послѣ котораго нашъ священникъ, онъ же и законоучитель, сказалъ намъ трогательное напутственное слово, и мы слушая его всѣ плакали. Наконецъ началось прощаніе съ начальницей, инспектрисой, учителями, классными дамами. Прощаясь другъ съ другомъ, мы обнимались, крѣпко цѣлуясь, обѣщались никогда не забывать другъ друга, и многія горько рыдали. И вотъ широко распахнулась дверь нашего монастыря чтобы навсегда за нами затвориться, и мы, неразумныя дѣти для жизни, очутились на той свободѣ о которой мечтали всѣ девять лѣтъ и похожи были на птичекъ вылетѣвшихъ въ первый разъ изъ гнѣзда, радостно и доверчиво глядящихъ на Божій свѣтъ и съ неокрѣпшими еще крыльями готовыхъ въ него ринуться, не подозревая что при первомъ же полетѣ можно упасть и можетъ быть на смерть разбиться, не подозревая и того что въ этомъ манящемъ ихъ свѣтѣ много хищныхъ коршуновъ подстерегающихъ подобныхъ бѣдныхъ, неопытныхъ птичекъ. Счастіе было тѣмъ изъ насъ у кого была любящая, руководящая и поддерживающая первые шаги рука, и горе тѣмъ кто ея не имѣлъ.

Здѣсь кончаются мои воспоминанія о Смольномъ, но я стану продолжать для тѣхъ которымъ, можетъ быть, будетъ интересно узнать мои перья впечатлѣнія, отражавшіяся на мнѣ сквозь призму полученнаго мною воспитанія, мои отношенія къ окружающимъ тогда меня людямъ и ихъ въ то время образъ жизни.

X.

Быль сѣренькій дождливый день, когда мы съ Марьей Петровной сѣли въ наемную карету увозившую насъ отъ подъѣзда Смольнаго монастыря. Подъ впечатлѣніемъ горькой разлуки съ Д. Ст—ничъ и другими подругами и знала что куда сейчасъ мы ѣдемъ никто не встрѣтитъ и не обрадуется мнѣ, заплаканными глазами я грустно глядѣла въ окно нашей кареты на улицы казавшіяся уже не такими красивыми какъ въ дни нашего катанія на масленицѣ и на Свѣтой. Безъ особенной радости вошла и въ квартиру Марьи Петровны состоявшую изъ двухъ комнатъ и передней съ окнами выходящими на дворъ.

Теперь буду говорить о Марьѣ Петровнѣ съ которой пришлось мнѣ пробыть въ Петербургѣ больше двухъ мѣсяцевъ.

Она была не только родною сестрой мамы, но онѣ были съ ней даже близнецами и жизнь ихъ стояла жизни ихъ матери, моей бабушкѣ, умершей сейчасъ же послѣ ихъ рожденія 19 лѣтъ отъ рода.

Природа создавала ихъ какъ будто нарочно создала два совершенные контраста какъ по наружности, такъ и по внутреннимъ качествамъ. Обѣ онѣ были хороши, но безъ малѣйшаго сходства между собой, и глядя на нихъ трудно было повѣрить что онѣ родныя сестры и двойни; внутреннія же качества отличались еще большимъ контрастомъ.

Марья Петровна была страшная эгоистка и неизмѣрно скупа, мама же не знала и не понимала жизни для себя и была безпредѣльная доброта. Первая своихъ дѣтей не любила, вторая только и жила ими. Марья Петровна любила наряды, выѣзды, танцы; мама терпѣть этого не могла и помню что съ отцомъ у нихъ часто были ссоры, когда онъ требовалъ чтобъ она съ ними выѣхала въ гости.

Чтобы дополнить характеристику Марьи Петровны и сказать до чего она была безсердечна, приведу одинъ случай послѣдній въ моемъ тогда еще семилѣтнемъ сердцѣ нелюбовь къ ней. У нея была маленькая дочка на которую какъ и на прочихъ дѣтей она не обращала никакого вниманія, оставляли ихъ на попеченія нянекъ.

Дѣвочка эта опасно захворала, такъ что каждую минуту ждали ея смерти, а Марьѣ Петровнѣ надо было ѣхать въ гости, гдѣ предполагалась танцы, и вотъ она дѣлаетъ распоряженіе что если ребенокъ умретъ, то не присылать къ ней объ этомъ съ извѣщеніемъ.

И дѣйствительно, дѣвочка умерла и умерла на чужихъ рукахъ, а ея мать въ это время танцевала.

Помню, какъ отецъ былъ этимъ возмущенъ и бранилъ ее, а бѣл-

ная мама очень ее любившая, какъ теперь вижу, сидитъ подперевъ рукою лицо и опустивъ въ смущеніи глаза, фронтно, отыскивая и не находя въ своемъ сердцѣ для нея оправданія.

Выѣдъ послѣ этого разговора въ дѣвичью я и тамъ услышала о ней сужденіе и, помню, какъ одна изъ дворовыхъ женщинъ сказала: „мы рабы, а не пошли бы плясать, когда умирали бы нашъ ребенокъ“.

Жизнь по выходѣ изъ Смольнаго въ ожиданіи выѣзда изъ Петербурга потекла для меня очень скучно, и было бы еще скучнѣе, если бы мнѣ не пришла мысль на выданные въ Смольномъ 137 руб. съ приложеніемъ изъ денегъ присланныхъ мамой на наряды купить себѣ фортепіано, что я и исполнила, упростила Марьѣ Петровнѣ помочь мнѣ въ этомъ.

Она отговаривалась все какими-то дѣлами, по которымъ каждоедневно уѣзжала изъ квартиры, оставая меня съ Анютѣй Васильевной, оказавшейся очень глухою особой. Она на все мои разспросы о мамѣ и домашнихъ не могла связать ни одной для меня понятной фразы, такъ что я на это дѣло махнула рукой, предпочитая молчаніе разговору съ ней. Купивъ же фортепіано все свободное время проводила за нимъ. Одинъ разъ откуда-то пріѣхавъ Марья Петровна сказала что встрѣтила своего двоюроднаго брата Геннадія Ивановича Невельскаго который хотѣлъ быть скоро у насъ.

Надо сказать что мама и ея сестры въ дѣвчачь носили фамилію Невельскихъ и были дѣти двухъ родныхъ братьевъ съ Геннадіемъ Ивановичемъ Невельскимъ Амурскимъ (назову его хоть въ своихъ воспоминаніяхъ этимъ именемъ).

Говоря о Геннадіѣ Ивановичѣ, Марья Петровна назвала его удивительнымъ красавцемъ. Красоту мужскую и иначе не могла представить какъ вродѣ красоты императора Николая Павловича. Каково же было мое изумленіе, когда спустя нѣсколько времени къ намъ вошелъ морской офицеръ, небольшого роста, съ лицомъ сильно испорченнымъ оспою, съ маленькими глазками, съ небольшою растительностію на головѣ и вообще очень невзрачный.

Онъ отрекомендовался мнѣ дядюшкой и сейчасъ же подвелъ меня подъ руку къ оконку (квартира наша была текновата) чтобы посмотреть похожа ли я на сестрицу Александру Петровну (мою маму).

Съ его приходомъ вся квартира наша какъ будто оживилась. Это былъ въ высшей степени подвижной человекъ. Онъ не могъ сидѣть на мѣстѣ и все время ходилъ изъ угла въ уголъ по нашей комнатѣ, иногда останавливался предо мною, рассказывая о тѣхъ заботахъ, затрудненіяхъ и разныхъ препятствіяхъ которыя онъ несетъ въ настоящее время, собираясь въ свой дальній путь въ Сибирь; говорилъ объ

опасностях и лишениях предстоящих на его пути и тамъ, гдѣ онъ будетъ, но прибавлялъ что онъ готовъ все преодолѣть, все преодолѣть и ни передъ чѣмъ не остановится и что если ему удастся исполнить то что онъ задумалъ, то это не мало прибавитъ и славы и пользы для Россіи. Слушая его, я думала про себя: „ахъ, какъ онъ обожаетъ Россію!“ и глядя на его воодушевленное лицо, на его сверкающіе огнемъ глаза, онъ мнѣ казался и выше ростомъ и даже красивѣе.

Онъ просидѣлъ у насъ недолго, говоря что въ настоящее время не имѣетъ рѣшительно ни одной свободной минуты.

Какъ онъ выполнилъ свою задачу, это уже извѣстно. Онъ оцѣнилъ и ему воздвигли памятникъ во Владивостокѣ за тѣ самыя дѣянія, за которыя въ 1850 году Комитетъ Министровъ подъ предѣлительствомъ графа Несельроде присудилъ его къ разжалованію въ солдаты. Недоставало только поднести государя на этомъ приговорѣ который былъ ему представлятъ, и у Геннадія Ивановича оставалась одна надежда на него.

Но великій умъ императора Николая Павловича прозрѣлъ какая будетъ польза отъ его открытій для Россіи и пошло его сердце рыпаря что не честолюбіе руководило поступками этого человѣка, а только любовь къ родинѣ и ея славы. Онъ назвалъ его патриотомъ и молодцомъ, и Невельской вывелъ изъ его кабинета, куда былъ призванъ для объясненій, не разжалованнымъ солдатомъ, а облаканнымъ и награжденнымъ. Въ это же время государь велѣлъ въ другой разъ собраться Комитету, назначивъ предѣлителямъ тогда наследника, а впоследствии императора Александра II, начертать эти знаменательныя слова значащіяся на памятникѣ Невельскаго: „Гдѣ разъ поднять русскій флагъ, онъ уже опускаться не долженъ“. Желавшіе подробно позвѣкомъ съ присоединеніемъ къ Россіи Примурскаго и Приусурійскаго края безъ единой капли русской крови, стоившихъ только нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, могутъ прочитать записки Геннадія Ивановича Невельскаго, наданныя уже послѣ смерти этого въ высшей степени честнаго, правдиваго и слишкомъ скромнаго по отношенію себя и своей жемъ человѣка, какому и узнала его впоследствии и какимъ вѣрою поминать всѣ лично его знавшіе. Я же рассказы объ этой экспедиціи слышала частію отъ самого Геннадія Ивановича, частію отъ моего знакомаго по Костромѣ Николая Константиновича Бошняка, бывшаго подъ его начальствомъ въ этой экспедиціи, который между прочимъ рассказывалъ, какимъ свѣтлымъ и согревающимъ лучомъ была для нихъ всѣхъ жена Геннадія Ивановича Екатерина Ивановна Невельская; какъ освѣщала и согревала этотъ лучъ тѣхъ дикихъ Гиляковъ, среди которыхъ судьба ее забросила и гдѣ она провела много лѣтъ, терпя вужду, голодь и холодъ.

Онъ рассказывалъ какъ она изучала ихъ языкъ чтобы пролить свѣтъ въ ихъ закопченныя сердца, какъ она заснала и дѣлалась съ этими дикарями послѣднимъ кускомъ, желая снискать ихъ довѣріе и любовь къ ея мужу, которому они были такъ необходимы въ его измъсканіяхъ.

Да, эту женщиною, повторю опять, должна гордиться вся Россія и ей я хочу теперь посвятить нѣсколько своихъ личныхъ воспоминаній.

Въ одно время со мною и въ одномъ классѣ воспитывались въ Смольномъ двѣ сестры Ельчаниковы. Старшая изъ нихъ была тихаго и сосредоточеннаго характера, а лицо ея такъ и просилось на полотно художника для изображенія лица Мадонны. Младшая сестра, впоследствии Невельская, была сама радость и веселіе и при большомъ умѣ была и собой очень хороша. Она была небольшого роста, блондинка съ правильными чертами лица и съ прелестными большими голубыми глазами имѣвшими ту особенность что, когда лицо ея смѣлось и голосъ звонко раздавался отъ смѣха, онъ не измѣняли своего вдумчиваго выраженія, придавая тѣмъ особую оригинальную прелесть. Круглая сирота, онъ послѣ выпуска изъ Смольнаго были взяты ихъ роднымъ дядею Зоринимъ, тогда иркутскимъ губернаторомъ, и вотъ здѣсь-то проѣздохъ черезъ этотъ городъ и увидѣлъ ее Геннадій Ивановичъ.

Ничего нѣтъ удивительнаго что она произвела на него такое сильное впечатлѣніе что онъ рѣшился сдѣлать ей предложеніе но скрывая отъ нея тѣхъ опасностей и лишеній ей предстоящихъ, если она съ нимъ отправится и даже убѣждалъ вмѣстѣ съ ея родными не пускаться въ этотъ опасный путь (все это я слышала отъ самой Екатерины Ивановны).

Но молодецкая девятнадцатилѣтняя женщина проникается удивленіемъ и восторгомъ къ этому невзрачному на видъ человѣку, проникается его духомъ и энергіей и всюду хочетъ за нимъ слѣдовать и дѣлать съ нимъ всѣ опасности и лишенія, которыхъ она не могла и вообразить, но которыя, по словамъ Бошняка, твердо и мужественно перенесла.

Надо сказать что Невельскіе, возвратившись изъ Владивостока, зиму жили въ Петербургѣ, уѣзжая на лѣто въ свою усадьбу Костромской губерніи и проѣзжая Костромой, гдѣ я въ это время жила, Екатерина Ивановна никогда меня не забывала и навѣщала и здѣсь-то въ дружескихъ бесѣдахъ она мнѣ рассказывала все что испытала и перенесла, и рассказы эти могли бы составить цѣлую интересную книгу.

Она не жалѣла своихъ пятнадцати годовъ прошедшихъ въ такой ужасной жизни, напротивъ, говорила что была счастлива что ея при-

сутствие поддерживало бодрость и энергию ее мужа и всех участвовавших в этой экспедиции, но не могла без слез говорить о своих душевных страданиях, когда на ее руках умирала крошка дочь, для спасения которой нужно было молоко, а его не было; у них была одна только соленая рыба, которую не принимал желудок ребенка.

Могила их ребенка была первою русскою могилою в этом крае. Рассказывали также о душевных муках перенесенных ею, когда ее муж и другие участники этой экспедиции отправаились на изыскания, каждый порознь, в сопровождении неизвестных им дикарей. Это продолжалось по день, по два, а иногда неделя. Поднимались мятли и вьюги, и она знала какими опасностям они подвергались в этих пустынных тайгах, и ее саму окруженную теми же дикарями, в их враскорю постройном холодном домишке, вместе заносило сибирью.

Но зато сколько было радости, говорила она, когда они все возвращались невредимыми; сколько слышала она рассказов о сделанных им открытиях, о тех опасностях которыми иногда подвергались эти отважные, неустрашимые и самоотверженные пионеры.

В 1894 году дочь Невельских, Вера Вендъ, издала в Париже книгу, с предисловием Juliette Adam, под заглавием: „L'amiral Nevelski ou la conquête définitive du fleuve Amour,“ посвятив ее Феликсу Фору, бывшему тогда морским министром.

В этой книге между прочим есть несколько писем Екатерины Ивановны, писанных ею по-французски родным с дороги и по приезде в тот край, куда она отправилась со своим мужем в Иркутск через три недели после свадьбы.

Желаю познакомить русских женщин с характеристикою той, с которой французскія женщины уже знакомы, а перевела эти письма и помещаю их в концѣ моей книги.

Читающие их увидят сколько ума, благородства и вместе с этим сколько чувствуется силы воли и твердости характера в этой девятнадцатилетней женщице-ребенке. Она всегда могла бы возвратиться къ своим родным и, вѣроятно, ее мужъ для ее спокойствія былъ бы даже этому радъ, но у Екатерины Ивановны слова не развѣялись съ дѣломъ, она возвратилась въ Россію со своимъ мужемъ, пробывъ въ Сибири около шести лѣтъ, хотя эта жизнь, полная лишений, не могла не отразиться на ее здоровьѣ. По возвращеніи въ Россію она часто хворала и умерла сравнительно еще молодою, 46 лѣтъ, переживъ своего мужа тремя годами.

XI.

Было больше половины мая и лѣтняя дорога давно уже установилась, но Марья Петровна и не думала събраться изъ Петербурга, говоря что дѣла ее еще не кончены и она не знаетъ когда ей можно будетъ выѣхать. Въ это время получено было изъ дома не одно письмо съ просьбой поскорѣй приѣзжать и съ извѣстіемъ что мама и все домашніе не знаютъ какъ меня и дожидаться.

Я сильно затосковала и стала просить Марью Петровну отпустить меня домой съ Авдотьею Васильевною, утѣряя ее что мама за это не будетъ сердиться, а напротивъ, будетъ ей благодарна. Къ моимъ просьбамъ присоединилась и Авдотья Васильевна, обѣщая меня всеми силами поконить и охранять въ дорогѣ. Ей также хотѣлось скорѣе вырваться изъ Петербурга, гдѣ главнымъ образомъ не нравилась пища „Св. Антонія“, къ которой она у насъ дома не была приучена. И вотъ, когда послѣ нѣкоторыхъ колебаній Марья Петровна согласилась насъ отпустить, она тотчасъ же отправилась къ нашимъ крѣпостнымъ жившимъ по оброку въ Петербургѣ чтобы узнать вѣтъ ли съ нашей стороны надежнаго извозчика. Возвратясь оттуда она съ радостію объявила что именно такой отыскался и привела его съ собою. Онъ на дняхъ хотѣлъ уѣзжать и прискивалъ подходящихъ пассажировъ, такъ что за убрѣнную цѣну взялся насъ доставить въ Галичь. У него была пара лошадей съ кибиткой вродѣ тарантаса и одна лошадь въ телегѣ для клади, что именно требовалось для меня, вмѣстѣ вмѣсто клади фортепіано. Хотя въ перспективѣ предстояло ѣхать почти шагомъ, такъ какъ телегой правилъ мальчикъ и извозчикъ требовалъ чтобы онъ отъ насъ не отставалъ, но я съ восторгомъ стала укладываться и въ назначенный день мы выѣхали.

Съ радостію и безъ сожалѣнія оставляла я Петербургъ котораго, не смотря на девятилѣтнее въ немъ пребываніе, совсѣмъ не знала, такъ какъ Марья Петровна ничего въ немъ достопримѣчательнаго мнѣ не показала. Ямщикъ нашъ оказался хорошимъ, трезвымъ старикомъ изъ старовѣровъ. Деревня его была въ пяти верстахъ отъ нашей усадьбы и онъ зналъ маму, а покойному отцу, какъ онъ говорилъ, былъ чѣмъ-то обязанъ, и еслибы тотъ былъ живъ, и могла бы ему сказать что онъ хранилъ меня какъ зеницу ока. Бывало мы подѣдемъ къ постоялому двору и онъ непременно скажетъ: „Вы посидите тутъ съ нянюшкой, а я пойду узнаю, есть ли намъ отдѣльная комната“, и когда бывало тамъ много народа и комнаты отдѣльной не было, то посоветуетъ намъ прогуляться по деревнѣ, а

народъ, дескать, тѣмъ временемъ, можетъ, и посвалить. И я выскакивала изъ кибитки и шла вдоль деревни въ сопровожденіи Авдотьи Васильевны, сильно на это ворчащей какъ на помѣху отвлекающую ее отъ самовара за которымъ она привыкла выпивать безчетное количество чашекъ чаю. Если было близко поле, то непременно отъезжала туда, сопровождаемая иногда толпою деревенскихъ ребятишекъ и, вдыхая въ себя чудный весенній воздухъ, набрасывалась на полевые цвѣты. „Экую невидаль, барышня, набараете“, ворчала Авдотья Васильевна, „ужо хозяйка будетъ вамъ благодарна, когда вы натащите къ ней этого хламу“; но ворчанье ей меня не останавливало: я набирала цвѣтовъ сколько могла и приносила ихъ съ собою на постоялый дворъ, гдѣ разбирала и любовалась ими, собирая въ небольшие букеты; для меня они были дѣйствительно невидаль, вѣдь девять лѣтъ я ихъ не видала. Всю дорогу мы ѣхали благополучно, но поняю что меня очень удивляли разговоры на нѣкоторыхъ постоялыхъ дворахъ о какомъ-то сонномъ. То спрашивали, былъ ли у васъ сонный, то говорили что ждутъ сонного, и я думала что это очень распространенная и, должно-быть, знатная фамилія что ими все такъ интересуются.

Ѣхали мы опять не на Москву, а выѣзжали на Угличъ. Этотъ городъ особенно мнѣ запомнился по многимъ позависшимъ намъ навстрѣчу гробамъ съ покойниками. Тамъ была сильная холера, какъ и во многихъ другихъ городахъ которыми мы проѣзжали, но я не понимала опасности и несколько не остерегалась, употребляя вмѣсто чая простоквашу.

Но вотъ мы и въ Костромѣ. Она на меня произвела очень грустное впечатлѣніе, потому что вся обгорѣла и не успѣла еще обстроиться послѣ страшнаго пожара.

Оказалось что пожаръ этотъ былъ дѣломъ рукъ разныхъ злоумышленниковъ желавшихъ половить рыбу въ мутной водѣ.

Отъ Костромы оставалось до Галича 120 верстъ и такъ какъ стояла страшная жара, то извозчакъ нашъ рѣшалъ днемъ кормить, а ночью ѣхать.

И вотъ настала послѣдняя ночь, въ утро мы должны были быть въ Галичѣ. Вдругъ на меня нападаетъ ужасный страхъ и кажется что въ эту ночь непременно должно что-нибудь случиться чтобы лишить меня этого счастья. Вспомнивъ рассказы въ дѣтствѣ о разбойникахъ убивающихъ на дорогѣ, я думаю что и меня въ эту ночь непременно убьютъ и прибирая въ своемъ умѣ чѣмъ бы разжалобить этихъ разбойниковъ чтобы они хоть одинъ разокъ передъ смертью дали взглянуть на все для меня дорогое, потихоньку плачу,

вздрагивая отъ малѣйшаго шороха, и каждый кустикъ кажется двигающимся и приближающимся къ намъ.

Но лѣтняя ночь коротка и съ ея разсвѣтомъ разсѣиваются и мои страхи. Солнышко ярко взошло, когда мы приблизились къ той горѣ, гдѣ девять лѣтъ тому назадъ я со всеми прощалась, и какъ радостно затрепетало мое сердце, и какъ хорошо съ этой горы показался мнѣ мой родной городъ съ его громаднымъ озеромъ и высокими кругомъ горами. Но мы въ него не поѣхали, а поворотили направо на проселочную дорогу къ усадьбѣ, и я прошу извозчика ѣхать скорѣй, скорѣй. Всего осталось дѣй версты и уже виднѣется красная крыша нашего дома, и мы вскорѣ подъѣзжаемъ къ воротамъ краснаго двора, раствореннымъ вѣстожъ и какъ бы приглашавшимъ насъ.

Было раннее утро и никого не было видно, только у самаго дома стояла какая-то женщина, которая взглянувъ на меня, всплеснула руками и скрылась въ дверяхъ. Мы подъѣзжаемъ къ крыльцу, и я выскакиваю изъ кибитки, но меня не слушаютъ ноги и сильно дрожать, въ глазахъ ходятъ темные круги, а сердце такъ сильно бьется что готово, кажется, разорваться, и собираясь на крыльцо должна придерживаться за стѣну чтобы не упасть.

Вхожу въ нашу огромную дѣвичью. Въ ней никого нѣтъ, но изъ коридора вижу спѣшить какая-то сѣдая старушка, она уже близко и я прошу ее позвать ко мнѣ маму, но она съ рыданіемъ бросается ко мнѣ на шею. Это была она, моя родная мама, измѣнившаяся до неузнаваемости, и мы крѣпко обнявшись плачемъ обѣ счастливыми слезами. Выбѣгаетъ сестра и я перехожу къ ея обѣднѣ, выходить ей мужъ Николай Михайловичъ, съ которымъ знакомлюсь и дружусь съ перваго же дня.

Между тѣмъ дѣвичья все больше и больше наполняется дворными женщинами, дѣвушками и ребятишками. Все мѣ хочется напомнить о себѣ, схватить для поцѣлуя мою руку, которую не даю и вырываю, слышу возгласы: „Да полно, наша ли это барышня?“

Среди нихъ замѣчаю дряхлую плачущую старушку, старающуюся ко мнѣ приблизиться, что-то знакомое кажется, но не узнаю: „это, говорятъ, ваша няня“, и я бросаюсь къ ней и крѣпко цѣлую.

Но вотъ черезъ головы всей этой толпы въ растворенную дверь вижу спѣшить моя тѣтя Вѣра. Она ничего не измѣнилась, и я сейчасъ ее узнала. Платокъ ея развѣивается, волосы распустились и слезы градомъ катятся по лицу. Она расталкиваетъ толпу и съ воплемъ радости бросается мнѣ на шею. Боже! за что столько счастья! Но вспоминаю что есть еще два маленькіе, незнакомые, родные мнѣ существа, братъ и сестра, и бѣгу по знакомой дѣстницѣ наверхъ, къ моему прежнюю дѣтскую. Они только-что проснулись, и я крѣпко цѣ-

дую ихъ. Сбѣгалъ опять внизъ, слышу что мама моя что-то протестуетъ, кого-то обвиняетъ что не дадутъ ребенку чаю навѣться, да надо послѣ чаю ребенка спать уложить. Это все меня-то! Сестра смѣется говоря: „да вы бы, маменька, взяли ее на руки и внесли въ столовую, вѣдь говорили же вы вчера что никому не дадите вынуть ее изъ экипажа и сами внесете въ комнаты“; это меня-то! когда я чувствовала въ себѣ столько здоровья и силы что ее саму безъ труда подняла бы на руки. Она, моя родная, вѣроятно, иначе не могла меня представить какъ возможную худую дѣвочкой которую до самаго моего отъѣзда легко поднимала, какъ я не могла себѣ представить ее сѣдою старушкой. Чтобъ успокоить ее, иду въ столовую, гдѣ уже приготовлены разныя съѣдобныя прелести, но мнѣ ничего не хочется и съ трудомъ выпиваю чашку чаю, поглядывая въ растворенное оконшко въ садъ. Тамъ что-то очень бѣлѣется, и обини и крѣпко раздѣловать маму бѣгу черезъ балконъ туда, куда сѣдомъ за мной и всѣ идутъ. Это бѣлѣлись яблони въ цвѣту, ихъ много и каждую своими руками посадилъ и привилъ самъ отецъ, но, какъ говорить тутъ же мама, ни отъ одной не дождался ни цвѣта, ни плода, какъ, думаю, не дождался и меня, и слеза невольно набѣгаетъ на глаза, но я быстро ее смахиваю. Нѣтъ, нѣтъ, ни одной слезы не надо въ этотъ блаженный счастливый день. Миръ Божій такъ прекрасенъ, и какъ я всѣхъ люблю!

Теперь, стоя уже на краю могилы и съ тоской оглядываясь на свое прошлое, воспоминаю объ этомъ днѣ какъ яркая звѣздочка среди мрака сіяетъ вѣдо мною, согрѣвая мое наибольшее старое сердце.

XII.

Этотъ счастливый для меня 1848-й годъ былъ страшнымъ для обитателей города Галича. Тамъ свирѣпствовала сильная холера и Николай Михайловичъ, уѣзжавшій на службу въ 8 часовъ утра и возвращавшійся въ три часа дня (онъ служилъ судьей по выборамъ дворянства), привозилъ оттуда вѣсти одна другой печальнѣе.

Изъ двухъ тамъ бывшихъ докторовъ одинъ умеръ, другой часто бывалъ въ уѣздѣ и бѣдные жители этого захолустья города были предоставлены самимъ себѣ. Самый городъ такой красивый, когда смотришь на него съ горы, стоитъ въ ямѣ при громадномъ озерѣ въ девять верстъ ширины и въ санитарномъ отношеніи крайне удобенъ для воспринятія всякихъ заразныхъ болѣзней, а такъ называемое мѣстечко Козья Слободка лежитъ еще ниже около ручья и по

стоку всѣхъ несчастъ; по словамъ Николая Михайловича, жители ея поголовно всѣ вымерли и ихъ маленькіе домики были наглухо заколочены.

О санитарныхъ условіяхъ никто и понятія не имѣлъ, ждали одного санитаря, мороза, и, къ счастью, холода начались съ сентября мѣсяца. Холера прекратилась и мы всѣ изъ усадьбы перѣехали въ Галичъ, гдѣ на возвышенномъ мѣстѣ окраины города у мамы былъ свой домъ съ небольшимъ садомъ, въ которомъ въ одной половинѣ помѣстилась сестра съ мужемъ, а въ другой мама съ дѣтьми; у меня же въ мезонинѣ были двѣ хорошенькія свѣтлыя комнаты изъ Оюшекъ которыхъ видна была часть озера.

Этой же осенью и познакомилась съ Алексѣемъ Ософилактовичемъ Писемскимъ, въ то время женихомъ Екатерины Павловны Свининой. Усадьба его была въ Галичскомъ уѣздѣ, гдѣ жила его мать разбитая параличемъ и три тѣтки, старыя дѣвушки. Но онъ мало тамъ находился, живя большею частью у Николая Михайловича съ которыми былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ со времени своего студенчества.

Тамъ же былъ написанъ эго первый романъ „Тюфякъ“ и такъ какъ Писемскій имѣлъ очень плохой почеркъ, то Николай Михайловичъ его самъ переписалъ, предрекая ему авторскую будущность, въ которой тотъ какъ начинающій очень сомнѣвался.

Въ ихъ же домѣ онъ познакомился съ бывшею тогда его невестой, мать которой Надежда Аполлоновна, урожденная Майкова, была дружески знакома съ моею сестрой. Ихъ усадьба также была въ Галичскомъ уѣздѣ.

Писемскій, когда его увидѣла, былъ молодой человѣкъ съ выразительнымъ лицомъ и очень худой, несколько не напоминавшій ту развалину которую я впоследствии увидѣла въ Москвѣ. Невѣста же его говорила что онъ похожъ на Грановскаго, прибавляя при этомъ: „а Грановскій былъ красавецъ“. Онъ же, говоря объ Екатеринѣ Павловнѣ, декламировалъ изъ Гамлета:

Въный голубь она
Въ черной стаѣ грачей.

Послѣ свадьбы они уѣхали въ Кострому, гдѣ Писемскій опредѣлился въ чиновники особыхъ порученій при губернаторѣ, и вскорѣ его романъ „Тюфякъ“ былъ напечатанъ въ одномъ изъ тодѣшнихъ журналовъ. Помню въ какомъ былъ восторгѣ Николай Михайловичъ, получивъ его отъ Писемскаго отдѣльною книгою, на бѣломъ листѣ которой было написано къ нему нѣсколько теплыхъ строкъ.

Это первое время послѣ выпуска было самое счастливое во всей моей жизни.

Противъ второй заповѣди я не грѣшила и мнѣ такъ чувствовалось хорошо среди окружающей меня любви.

Эти добрые люди, бывшіе жители города Галича, изъ которыхъ давно уже нѣтъ ни одного изъ сибѣ, считали меня какъ бы своимъ достоиніемъ, говоря что имъ доставляетъ большое удовольствіе глядѣть какъ я веселюсь. Помню, въ какомъ были восторгѣ, увидя меня въ маскарадѣ въ русскомъ нарядѣ: въ бѣломъ газетовомъ сарафанѣ, съ темною бархатною повязкой, украшенною жемчугомъ, и съ пунцовою лентой въ моей длинной косѣ.

Эта зима была самая веселая. Приѣхало нѣсколько помѣщичьихъ семействъ, гдѣ много было молодыхъ дѣвицъ. Я съ ними знакомилась, но подругъ между ними не вышла. Мои подруги были въ пространствѣ, и я имъ не имѣвала.

На балахъ, въ большой залѣ одного купеческаго дома, игралъ хорошій оркестръ состоявшій изъ 16 человекъ музыкантовъ и принадлежавшій мѣстному помѣщику, большому меломану, князю Вяземскому.

Помню что при входѣ въ эту залу мнѣ особенно нравилась какъ бы живая картинная галерея состоявшая изъ галичскихъ купчихъ въ ихъ мѣстныхъ красивыхъ нарядахъ, въ залитыхъ золотомъ сарафанахъ и въ высокихъ наклонахъ на головѣ, усыпанныхъ жемчугомъ, съ жемчужными же подвѣсами падающими на глаза, что дѣлало ихъ всѣхъ очень хорошенькими.

Онѣ приходили всегда рано, садясь рядомъ по стѣнкѣ и, повторяю опять, представляли изъ себя прелестную живую картину.

Я танцевала много и любила танцевать, но болѣе того любила сидѣть дома въ обществѣ моей сестры и ея мужа, съ которыми никогда мнѣ не бывало скучно. Кромѣ того, въ моемъ распоряженіи было много книгъ и нотъ. Николай Михайловичъ выписывалъ журналы, изъ которыхъ самый любимый его былъ *Современникъ*. Помню онъ былъ восторгѣ, прочитавъ статью Добролюбова: „Темное царство“ и захлебывающимся отъ волненія голосомъ вторично читалъ намъ ее вслухъ съ сестрой.

Но на ясномъ моемъ горизонтѣ скоро стали появляться тучки, и міръ Божій, казавшійся такимъ прекраснымъ, сталъ тускнѣть въ моихъ глазахъ.

Я говорила раньше о необыкновенной добротѣ моей мамы которая рѣшительно не могла видѣть человека въ нуждѣ чтобы не помочь ему, но часто доброту ея эксплуатировали, а потому всѣ получаемые ею доходы быстро исчезали. Теперь же къ этимъ расходамъ

присоединилась у ней страсть покупать мнѣ разныя ненужности, не говоря уже о платьяхъ.

Все это дѣлалось потихоньку отъ насъ съ сестрой и когда мы начинали говорить ей что эта лишняя трата денегъ и что у меня всего довольно, она огорчалась и даже плакала какъ дитя, говоря что не дадутъ потѣшить ребенка, то-есть, меня, который въ продолженіе десяти лѣтъ не видалъ ни отъ кого ласки, ни любви, и что я говорю это со словъ сестры.

Ну, какъ было вразумить ее послѣ этого? Но вотъ наступалъ платежъ процентовъ въ Опекунскій Совѣтъ, гдѣ все имѣніе было заложено, а деньги всѣ издержаны. Мама начинала страдать и плакать, а со стороны Николая Михайловича начинались хлопоты о деньгахъ, при чемъ недостаѣ пополнялась изъ его жалованья и небольшого дохода съ имѣнія.

Они съ сестрой были небогатые люди, и я скоро увидѣла какъ они урѣзывали себя, желая помочь мамѣ. Не знаю что было бы безъ нихъ со всѣми нами.

Они, не имѣя своихъ дѣтей, всецѣло посвятили жизнь нашему семейству и свято исполнили просьбу отца, который, какъ разсказывала сестра, незадолго до смерти велѣлъ поднять себя и до земли поклонился Николаю Михайловичу, съ которымъ былъ очень друженъ, несмотря на разницу лѣтъ и воспитаніе, прося его не оставить всѣхъ насъ, изъ которыхъ безпомощнѣ всѣхъ была наша мама. И вотъ когда я увидѣла всѣ эти недостатки, волненія, страданія мамы, безпокойство сестры и ея мужа, то стала чувствовать себя какъ бы лишнимъ гнетомъ для нихъ; стала чувствовать свою бесполезность и хотя начала заниматься съ маленькимъ братомъ, но хорошо понимала что за три рубля въ мѣсяцъ (тогда были такіе цѣны) нашелся бы учитель не хуже меня и что это не велика была поддержка для семьи. Все это больше и больше меня угнетало и тѣмъ болѣе было тяжело что я должна была таить все это въ себѣ, зная что вызвала бы со стороны сестры и Николая Михайловича протестъ, а со стороны мамы даже ужасъ что я могла подумать о себѣ какъ о лишней обузѣ для нихъ.

Черезъ три года послѣ выпуска я вышла замужъ и уѣхала изъ Галича.

Письма Екатерины Ивановны Невельской

въ переводѣ М. С. Угличаниновой.

*Станція Верейская (на берегу Лены),
16-го мая 1851 г.*

Здравствуйте, мои добрые, мои дорогие друзья! Вотъ уже болѣе 24 часовъ какъ я живу вдали отъ васъ! Мнѣ такъ грустно, я не могу безъ слезъ думать о васъ! Но пусть это не печалитъ васъ, мои возлюбленные. Иначе это не можетъ быть; вѣдь такъ мало прошло времени послѣ нашего прощанія. Постараюсь приучить себя къ разлуцѣ съ вами; мой веселый характеръ мнѣ въ этомъ поможетъ и, можетъ быть, я перенесу ее безъ особенной горечи. Какъ я вамъ благодарна за эти два прекрасные года проведенные мною среди васъ, мой дорогой дядьшка, моя дорогая тетюшка! Это время будетъ сладкимъ воспоминаніемъ на всю мою жизнь. Мнѣ такъ хочется получить отъ васъ вѣсточку, узнать какъ вы возвратились и хоть немного поуспокоились ли послѣ нашей горестной, ахъ, какой горестной разлуки! Я очень беспокоилась о васъ, мой дорогой дядьшка; была такой сильной вѣтеръ, я смертельно боялась за васъ чтобы вы не простудились. Не могу себѣ простить что дозволила провожать васъ такъ далеко.

Мы прѣехали въ Качугу, огромную деревню на берегу рѣки Лены. Это пунктъ въ которомъ обыкновенно садятся на судно для спуска по рѣкѣ. Мы сдѣлали осмотръ нашего судна которое должно насъ принять на свой бортъ. Это почти маленькій корабль. Оно отличается между всѣми остальными своею красивою формою и имѣетъ изящный и чистенькій, очень привлекательный видъ. Но мы рѣшили сдѣлать еще 36 верстъ въ экипажѣ и сѣсть на него ниже.

Лена совсѣмъ не такъ хороша, какъ я ее себѣ представляла по сдѣланнымъ мнѣ описаніямъ. Однако, мой мужъ утверждаетъ что дальше она меня очаруетъ.

Мы ѣдемъ не очень скоро. Въ противоположность своимъ холоднымъ примечкамъ мой мужъ удерживаетъ рваніе ящика и вмѣсто того чтобы его торопить какъ прежде, „тише“ замѣнилъ матерьяльное „скорѣй“, и я спрашиваю этого господина: кто такъ замѣнилъ моего Невельскаго?

Мы садимся на лодку сегодня вечеромъ. Хочу воспользоваться нѣсколькими часами которые должны провести на берегу чтобъ отдохнуть, такъ какъ совсѣмъ валяюсь отъ усталости и сна. Что вамъ еще сказать, мои друзья? Ахъ! все одно и то же: я васъ люблю всею душой и думаю постоянно о васъ. Воображеніе переноситъ меня въ гостиную тетушки, гдѣ мы обыкновенно находились, и гдѣ со вчерашняго дня мое мѣсто опустѣло. Эти воспоминанія такія сладкія и горькія въ одно и то же время заставляютъ меня снова и снова проливать слезы. Они застилаютъ мнѣ глаза и не даютъ продолжать моего письма. Прощайте, мои друзья, мои дорогие друзья! Боже мой! сколько времени должно пройти прежде чѣмъ я устно могу вамъ сказать: здравствуйте и прощайте! Преданная вамъ Катя.

Вышла 2) (писано на борту) 23-го мая 1851 г.

Пользуюсь оказіей чтобъ опять дать вамъ о себѣ вѣсточку. Мы пристали къ Киристеню въ полдень. На берегу насъ ожидали дрожки. Время было ужасное, дождикъ лилъ какъ изъ ведра, но я храбро вступила на землю прикрываясь дождевымъ зонтикомъ и направилась къ экипажу (если только это можно назвать экипажемъ), запряженному двумя лошадками, лучшими, какъ говорили, какихъ могли найти въ Киристеню. Этотъ экипажъ былъ такъ неудобенъ, а лошади, и увѣрена, были увѣчныя, двигались такъ тихо что разстояніе между берегомъ и красивымъ домикомъ приготовленнымъ для насъ, гдѣ мы должны были позавтракать, показалось мнѣ нескончаемымъ.

Стало очень холодно¹⁾. Я почти не покидаю каюты которую мы согреваемъ зажигая спиртъ. Это средство очень укрѣпляющее для бѣдныхъ путешественниковъ, постоянно страдающихъ отъ сырости. Лена дѣйствительно великолѣпна; природа насъ окружающая дика и грандіозна нѣмъ всякаго описанія. Я думаю что ея оригинальность и есть ея главная прелесть. Повсюду высокія лѣсистыя горы, крутые утесы. Время отъ времени мы плывемъ мимо прелестьныхъ острововъ, настоящихъ рошей среди рѣки. Но обійти вадъ печаленъ, почти мертвенный, хотя всегда грандіозный и чудный. Вчера особенно, я была поражена выдающеюся красотой пейзажа.

Мнѣ казалось что наше судно быстро скользитъ по прозрачной водѣ готово разбиться объ ужасныя скалы выходящія изъ воды или покрывающія пестрый берегъ направо, тогда какъ гигантскій утесъ или, скорѣе, стѣна возвышалась налѣво. Онъ былъ красивый, вооб-

1) Деревья на берегу Лены

2) Читатель не долженъ забывать что путешественники наши все больше и больше подвигались къ странамъ почти полярнымъ, гдѣ весна начинается не раньше юня. О Сибири вообще имѣютъ очень ложныя понятія въ Европѣ. Если климатъ тамъ очень суровъ, то за то онъ очень ровенъ и черезъ это необыкновенно здоровъ. Ничего нѣтъ прекраснѣе сибирской весны, ничего нѣтъ бластнѣе ея лѣта. Весна и лѣто въ озвоуности больше грѣтъ съ половиною мѣсяцевъ, много уже четырехъ, не продолжаютъ. Но изобиліе и богатство растительности такое которое можно только видѣть въ странахъ гораздо болѣе полуденныхъ. Все зеленеетъ и расцвѣтаетъ въ меньшее время чѣмъ тамъ и переходъ отъ зимы къ лѣту представляется какъ переиѣна декораций. Всѣ зерновые хлѣба процрѣстають превосходно и гораздо скорѣе чѣмъ въ Западной и Южной Россіи.

разите себѣ, красный какъ кирпичъ, а самую верхушку его вѣчала зеленый кустъ вѣтвистыхъ деревьевъ; эти деревья какъ бы посаженныя рукою человѣка прибавляли свѣжесть и живучесть къ его захватывающему и живописному виду. Этотъ пейзажъ, полный дымаго и мрачнаго величія угнетающаго душу, заставлялъ меня думать о Богѣ, о вѣчности, о высшей премудрости Создателя, и долго я оставалась неподвижной передъ этою чудною и великолѣпною картиною; никогда ничего подобнаго я не видала. Будьте покойны за меня, мои дорогие друзья. Разнообразіе впечатлѣній уничтожаетъ мою грусть. Я весела и здорова. Надѣюсь что вы, моя добрая тетушка, и ты, моя явленная сестра, будете мнѣ писать съ каждымъ курьеромъ. Помните что я останусь два долгие мѣсяца безо всякихъ вѣстий и вообразите мою безмѣрную радость, когда я буду васъ читать пріѣхавъ въ Амуръ. Ваши дорогия письма будутъ мнѣ ожидаемою наградою послѣ всѣхъ испытаній ужасной дороги въ Охотскъ которую даже Тунгусы описываютъ какъ адъ. Умоляю васъ, пишите все подробно. Все что идетъ отъ васъ и проходитъ черезъ ваши руки мнѣ дорого и интересно. Какъ себѣ чувствуетъ мой добрый дядюшка котораго я такъ люблю? Ахъ, какъ хотѣлось бы его расцѣловать!³⁾ Еслибы мы знали, обожаемый дядя, какъ я васъ люблю! Еслибы вы знали какъ я много думаю о васъ всѣхъ тронхъ, мои друзья! Нѣтъ, я не буду продолжать мое мараніе, потому что если буду дольше вами заниматься, то кончу тѣмъ что троню разрыдаюсь. А что скажетъ бѣдный мужъ, увидя меня озать плачущей? Слезы мои ему причиняютъ такъ много горя. Итакъ, прощайте, друзья любимые! Постараюсь меньше думать о васъ. Катя.

На борту. 25-го мая.

Предупреждаю васъ что ничего не имѣю интереснаго сказать вамъ и если пишу сегодня, то единственно изъ-за сильнаго желанія поговорить съ вами и не упустить случая отпрать письмо. Мы плывемъ быстро къ сѣверу, оставили сотни верстъ за собой. Холодъ начинаетъ ощущаться все больше и больше, и я начинаю прибѣгать къ шубѣ. Различіе климата между берегами Лены и Иркутска чрезвычайно ощутительно. Здѣсь ни малѣйшаго признака весны, ни тѣни зелени. Берега покрыты снѣгомъ, волны катятъ огромныя глыбы льда. Мы видимъ ихъ даже на среднѣхъ рѣки. Природа всегда великолѣпная и величественная становится больше и больше дикою. По мѣрѣ того какъ мы плывемъ внизъ, я знакомлюсь съ жителями этихъ мѣстъ, Тунгусами и Якутами. Изъ нихъ всегда есть нѣсколько между нашими судовщиками. Это очень оригинальныя существа, а типъ ихъ, хотя очень безобразный, мнѣ нравится больше типа Буритъ изъ окрестностей Иркутска. Мужъ мой чтобъ развеселить меня заставлялъ ихъ пѣть и плясать на палубѣ нашего маленькаго судна или на берегу, когда мы останавливаемся на часъ или на два. Они соглашались очень охотно особенно послѣ знаменательныхъ словъ: „барыня дастъ гривенникъ“. Сегодня утромъ на лужайкѣ густаго лѣса, мимо

3) Г-жа Непельская больше не увидѣла его, онъ умеръ въ 1854 г.

которого мы плыли, я замѣтила на берегу жилища; мнѣ сказали что это якутская деревня. Такъ какъ мнѣ очень интересно было ее видѣть, то мой мужъ велѣлъ остановить судно. Мы сошли съ него, мой мужъ, горничная и я нагруженные бѣлыми хлѣбомъ и орѣхами, чтобы получше угостить женщинъ и дѣтей изъ которыхъ при нашемъ появленіи образовалась толпа. Едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ по направленію къ деревнѣ какъ намъ встрѣтились двѣ маленькія дѣвочки шести и семи лѣтъ. Одна изъ нихъ была похитительна и, несмотря на грязь ее покрывавшую, необыкновенно хороша и мила; но другая, бѣдное, несчастное дитя, поселила во мнѣ такое отвращеніе, такой ужасъ что я сейчасъ же повернула назадъ съ твердымъ намѣреніемъ не проникать къ жилища этихъ дикихъ. Все лицо этого несчастнаго существа было покрыто отвратительными ранами ⁴⁾, дѣлавшимися еще ужаснѣе отъ полнѣйшей неопрятности. Моя горничная которая имѣла мужество туда проникнуть возвратилась все взволнованная, говоря что въ юртѣ (такъ называютъ эти жилища), куда она вошла, все семейство было покрыто этими страшными язвами и представляло зрѣлище въ одно время ужасное и достойное жалости. Намъ остается около шести сотъ верстъ до Якутска, гдѣ мы, вѣроятно, будемъ черезъ три дня. На Ленѣ сегодня волненіе, и я чувствую себя несовсѣмъ хорошо. Вѣтеръ намъ противный и наше судно кидаетъ изъ стороны въ сторону. Прошайте, мои дорогие друзья. *Катя.*

На борту, 28-го мая.

Мы провели очень скверную ночь, мои добрые друзья. Проливной дождикъ продолжался до утра. Сейчасъ погода разъяснилась, и мой мужъ легъ отдохнуть отъ усталости. Что до меня касается, я хотѣла то же сдѣлать, но не могла сомкнуть глаза. Мои мысли и сердце летѣли къ вамъ, и тотчасъ же сонъ разсѣялся чтобы дать мѣсто непреодолимому желанію поговорить съ вами, умъ! хотя бы письменно.

Я теперь гораздо менѣе печальна, и моя веселость начинаетъ напоминать Иркутскую. Я говорю это почти въ каждомъ письмѣ, зная ко мнѣ вашу привязанность и заботы дяди на этотъ счетъ, а потому сдѣлаю успокоить васъ на счетъ состоянія моего духа. Ваша Катя счастлива и привязывается больше и больше къ благородному другу ее избранному. Клянусь вамъ что опасности такого необыкновеннаго путешествія меня несколько не пугаютъ. Если разлука наша еще заставляетъ меня много страдать, то мой мужъ всегда находитъ средство успокоить и разсѣять меня. Онъ такой благородный, такой совершенный, такой мужественный, имѣетъ обо мнѣ самое нѣжное попеченіе, питалъ вмѣстѣ съ этимъ глубокую ко мнѣ привязанность. Ему всегда удается возстановить въ моемъ умѣ и душѣ спокойствіе, и я становлюсь снова рѣзва и весела, заставляя громко хохотать этого серьезнаго г-на Невельскаго надъ тысячами шутокъ приходящихъ мнѣ въ голову. На колѣняхъ благодарю Господа Бога даващаго мнѣ покровителемъ этого чуднаго человека,

⁴⁾ Проказа

нѣжность котораго ко мнѣ составляетъ мою гордость и будетъ самою твердою поддержкой въ тѣхъ испытаніяхъ которыя можетъ быть для меня наступить...

Мы пристали въ полдень къ жалкому маленькому городку Алекна. Время было прекрасное и дорога до слѣдующей станціи казалась легкой, мой мужъ предложилъ мнѣ сѣлать ее верхомъ на лошади чтобы немного отдохнуть отъ скуки рѣчнаго путешествія. Пока сѣдлали намъ лошадей, я вошла въ одинъ домъ чтобы надѣть свою амазонку. Старикъ-купецъ которому этотъ домъ принадлежалъ принялъ насъ съ радостію и радушіемъ. Дворъ въ одну минуту наполнился народомъ; сбѣгались со всѣхъ сторонъ чтобы присутствовать при необыкновенномъ зрѣлищѣ видѣть даму верхомъ, проезжающую по улицамъ Алекны. Съ раскрытыми ртами смотрѣла толпа какъ я садилась на лошадь, давая ей это представленіе съ невозмутимой важностію. Послѣ этого продолжая казаться величественно-равнодушной я пустала моего Вуцефала въ галопъ, и черезъ нѣсколько мгновеній прекраснѣйшій городъ Алекна остался далеко за нами. Однако, дождь послѣднихъ дней такъ разгразнилъ дорогу что мы не могли сдѣлать больше десяти верстъ, и къ моей великой досадѣ должны были возвратиться на судно.

Вотъ уже двѣ недѣли какъ мы плывемъ. Вчера вѣтеръ дулъ съ такою силой что я на волнующейся и грозной Ленѣ чувствовала себя очень нехорошо. Выйдя изъ терѣвня, я повросила моего мужа позволить сойти на землю чтобы немного походить. Онъ захотѣлъ мнѣ сопутствовать и мы прошли оставшіяся до станціи шты версты пѣшкомъ.

Во время пути я раздавала хлѣбъ дѣтямъ Якутовъ которые попадались намъ на дорогѣ. Вообразите себѣ, эти бѣдные люди нуждаются во всемъ этотъ годъ и бывають принуждены иногда питаться древесною корой. Это ужасно! Здѣсь, въ этихъ мѣстностяхъ страшная бѣдность и нельзя не сострадать этой нищетѣ въ которой эти несчастные дѣки проводятъ свое горькое существованіе.

Женой моего мужа заставляеть насъ много смѣяться. Онъ себя произвелъ въ помощники командира и съ важнымъ видомъ величается. Смѣшныя приказанія имъ иногда отдаваемые и образчики которыхъ часто до насъ доходятъ необыкновенно насъ потѣшаютъ. Что касается до Дуниши, моей горничной, мы въ ней открыли очень желательный для насъ талантъ кухарки, такъ какъ мы были немного въ затрудненіи забыть взять съ собой хотя какого-нибудь плохаго повара.

Якутскъ, 31-го мая 1851 г.

Вотъ уже три дни какъ мы въ Якутскѣ. До сихъ поръ я не могла найти минуты для продолженія письма начатаго еще на лодкѣ. Намъ приготовили прекрасное и обширное помѣщеніе въ домѣ здѣшняго богатаго купца. Я сейчасъ же съ нимъ познакомилась, а также съ его женой и двумя дочерьми. Добродушная купчиха выглядитъ оригинальною маленькою старушкой. Въ первый свой прїѣздъ въ Якутскъ мой мужъ также у нихъ останавливался, и она почувство-

вала къ нему большую любовь, не называя его иначе как своимъ милымъ внучкомъ.

Она была въ восторгѣ узнать объ его женитьбѣ, и почтение которое я ей оказываю по причинамъ ее престарѣлыхъ лѣтъ, кажется, ей очень нравится и льститъ. Посмотрѣвъ на меня очень внимательно, она объявила моему мужу что мы похожи другъ на друга какъ братья съ сестрой и что это вѣрное доказательство что мы были созданы другъ для друга³⁾.

Въ Якутскѣ пронесся слухъ что мой мужъ будетъ назначенъ начальникомъ этой области. Этому кажется вѣрять, такъ какъ всѣ видныя дамы этого города сѣвшать со мной познакомиться и хоромъ зашариють меня что онѣ были бы въ восторгѣ отъ этого. Что же касается до меня, я была поражена такимъ ужасомъ при мысли о возможности этого что ничего не находила сказать въ отвѣтъ и благодарить за такую въ любезность, едва имѣя силы удержаться отъ восклицанія которое жгло мои губы: „Сохрани меня, Боже!“

Мы теперь очень заняты приготовленіями къ долгому и опасному пути предстоящему намъ къ Аину. Тысяча верстъ на лошади по этой легендарной Охотской дорогѣ о которой со всѣхъ сторонъ мы слышимъ ужасныя разказы. Надо время и особенно воображеніе чтобы предостеречь ожидающія насъ трудности. Сегодня воспользовались свободною минутой чтобы отдать визитъ одной изъ важныхъ дамъ въ Якутскѣ. Она приняла насъ съ большимъ радушіемъ, усадивъ сейчасъ же меня на почетное мѣсто, диванъ въ гостиной, и исчезла не сказавъ ни слова, оставя насъ съ мужемъ удивляться этой странной манерѣ обходиться со своими гостями. По прошествіи довольно долгаго времени она возвращается сопровождаемая лакеемъ несущимъ огромный подносъ наполненный вареньемъ, конфетами, орѣхами и тому подобными сладостями. Потомъ принесли кофе и разнаго сорта вина. Хозяйка дома ничего не говорила, она только насъ угощала, заставляя ѣсть безъ отдыха. Поэтому можете себѣ вообразить какъ было весело. Я сейчасъ видѣла сѣдло которое будетъ служить въ моемъ путешествіи. Оно нисколько не похоже на обыкновенныя дамскія сѣдла, совершенно здѣсь не нужныя. Въмѣсто стремена оно имѣетъ дощечку на которую упираются обѣ ноги и задокъ для отдыха спины, изображая такимъ образомъ очень удобное кресло.

Г-нъ Корсаковъ⁴⁾, узнавъ о женитьбѣ моего мужа и о моемъ намѣреніи сопровождать его въ Петровскъ, пробѣдомъ черезъ Якутскъ заказалъ для меня особеннаго рода практичныя гамаки. Эти гамаки, употребляемые въ этихъ ужасныхъ путешествіяхъ здѣшними женщинами, весьма разнятся отъ тѣхъ которые извѣстны въ Европѣ. Ихъ дѣлаютъ изъ грубаго полотна и прикрѣпляютъ съ обѣ-

³⁾ Это было дѣйствительно доброе представленіе старой женщины Г-жи Невельской никакъ не могла быть похожа на своего мужа, не только некрасиваго собой, выключая его темныхъ глазъ и смѣлаго, и умнаго взгляда, но и типъ лица его былъ совсѣмъ другой. Что же касается до г-жи Невельской, она со своимъ лицомъ Мадонны была изъ самыхъ хорошихъ женщинъ своего времени.

⁴⁾ Вослѣдствіи главный правитель Восточной Сибири, тогда же бывшій въ штабѣ Муравьева.

ихъ стороны къ деревяннымъ подпоркамъ которыя кладутъ на спины двухъ лошадей; этотъ родъ люльки съ матрасомъ въ ней, оставался подвѣшаннымъ между ними, представляетъ собой очень удобную постель. Мой мужъ купилъ мнѣ прекрасное мѣховое одѣяло для защиты ногъ. Такимъ образомъ, растянувшись въ моемъ гамакѣ, мнѣ не будетъ холодно и можно будетъ во время моего нескончаемаго путешествія не только спать, но и читать. Какъ видите дѣлаютъ все человѣчески возможное чтобы облегчить трудности этой невообразимой дороги, и мой мужъ не знаетъ чтобы придумать еще чтобы сдѣлать ее сносною.

1-го июня

Мы возвращаемся съ обѣда воинскаго начальника этой провинціи, посѣщеніе котораго было невозможно избѣжать. Еслибы вы знали, добрая тетюшка, какъ г-жа *** скучна и какъ долго показалось мнѣ время. Этотъ обѣдъ продолжался три часа. Про каждомъ новомъ блюдѣ хозяйка дома повторяла свои просьбы: „Пожалуйста, я васъ прошу, возьмите еще, какъ вы мало кушаете, еще одинъ маленькій кусочекъ“ и проч., заставляя вспоминать знаменитую басню Крылова, возбуди мои симпатіи къ бѣдному человѣку замученному угощеніемъ. Г-жа *** имѣетъ семнадцатилѣтнюю дочь. Я съ ней обрадовалась съ серіозностію замужней женщины, разговаривавшей съ очень молоденькою дѣвушкой, по примѣру вознахъ особъ употреблявшихъ такъ еще недавно тоже самое со мной. Еслибы вы знали, мои добрые друзья, какъ заставляютъ меня внутренно смѣяться эти почести и вниманіе которыми меня окружаютъ. Ко мнѣ относятся серіозно, и я очень сожалею что вы не можете видѣть меня возсѣдающей по правую руку хозяйки, и всѣ приглашенные какъ и она сама обращаются съ почтеніемъ ко мнѣ. Клинуеъ что въ эти минуты и очень далека отъ якутской шалуньи; сохрани достоинство, и чувствую себя совершенно въ своей тарелкѣ разговаривая о халіиствѣ съ пятидесятилѣтними дамами. Ахъ! еслибы вы могли меня видѣть!

Все готово и мы отправляемся завтра рано утромъ. Сверхъ особенно для меня приготовленнаго сѣдла мой мужъ купилъ еще мужское сѣдло. Я выхожу изъ себя и чтобы тамъ ни говорили, никогда его не употреблю. Вы знаете, я привыкла ѣздить на лошади и очень тверда въ сѣдлѣ, потому надѣюсь устроиться не прибѣгая къ этой неприятной крайности. Я примѣрила свой мужской костюмъ который ко мнѣ очень идетъ, прошу этому вѣрить. За то моя Дуниша въ своемъ мужскомъ платьѣ представляетъ изъ себя очень печальную фигуру. Вчера я хохотала какъ сумасшедшая, увидя ее въ этомъ одѣяніи. Впрочемъ, зная ее, вы можете легко себѣ представить кавалеромъ эту толстуху съ ея короткою талией и совсѣмъ круглымъ лицомъ. Вотъ очень длинное письмо, но мнѣ доставляетъ такое удовольствіе говорить съ вами что я могла бы насолнить безчисленное множество страницъ всѣмъ, о чемъ хотѣлось бы мнѣ вамъ сказать. Это послѣднее письмо которое вы получите отъ меня до отправки вашей въ Европу. Да благословитъ Господь ваше путешествіе! Веселитесь! Пользуйтесь жизнью и думайте больше о вашей Катю.

Станція Алтырь, 180 верст отъ Якутскъ,
6-го июня 1851 г.

Мы встрѣтили на дорогѣ казака ѣдущаго изъ Якутскъ, и я не хочу упустить случая дать вамъ вѣсточку о нашемъ путешествіи. Успокойтесь же! Ваша Катя проѣхала эти первые этапы безъ особенной усталости. Нашъ караванъ дѣлаетъ хорошее впечатлѣніе: до пятидесяти лошадей везущихъ одинъ багажъ, другія живописно одѣтыхъ спутниковъ; конной назаковъ изъ которыхъ двое говорятъ на всѣхъ туземныхъ нарѣчіяхъ и служатъ вамъ переводчиками; двѣнадцать Якутовъ для услугъ, два лакея и моя горничная. Мы веземъ между прочимъ обыкновеннымъ багажомъ кровати, кухонную посуду, провизію, палатки, эти послѣднія должны служить намъ служить убѣжищемъ въ продолженіе трехъ недѣль, потому что не только будетъ неприятно провести ночь въ зловонныхъ якутскихъ юртахъ, но и эти попадаются очень рѣдко на этой пустынной дорогѣ. Я часто лежу растянувшись въ моемъ гамакѣ, и больше изъ желанія чѣмъ по необходимости дѣлаю утромъ и вечеромъ по пятнадцати верстъ на лошади. Въ это время мой мужъ помѣщается въ моей люлькѣ и сейчасъ же засыпаетъ. Еслибы была возможность сдѣлать такъ всю эту тысячу верстъ, путешествіе это показалось бы мнѣ даже приятнымъ. Къ несчастію, чѣмъ дальше подвигаешься, тѣмъ больше, говорятъ, дороги дѣлаются непроходимыми, и несмотря на всѣ наши предосторожности, намъ предстоитъ перенести много трудностей. Мы должны страдать отъ комаровъ, настоящаго бича этихъ странъ, отвращающихъ первыхъ недѣль забайкальскаго лѣта. Наши маски приготовлены и при первомъ нападении мы должны будемъ ими прикрыться; въ нихъ входимъ какъ въ мѣшокъ; полотняныя повязки предохраняютъ шею и затылокъ. Погода большею частію стоитъ хорошая, а мой непромокаемый плащъ достаточенъ для меня во время дождя. Я ужасно скверно пишу, но еслибы вы видѣли на чужбѣ! Это по среднѣ грязной юрты, почти тенной, на трясучемъ и лопачкомъ столѣ. Кругомъ меня одна Якуты; я слышу только ихъ разговоръ звучащій очень дико для моего европейскаго слуха. Женщины смотрятъ съ удивленіемъ; что же касается до меня, я нахожу ихъ удивительно типичными въ ихъ одѣваніи изъ собачьей кожи, съ ихъ странными лицами, такъ отличающимися отъ тѣхъ къ которымъ я привыкъ. Есть между ними очень выразительная фазіономія и даже красавица. По першество ихъ отталкивающее. Всѣ уже въ сдѣлахъ и меня ждуть, мои добрые друзья. Прощайте. Мой мужъ выходитъ изъ тертія, надо ѣхать! Тысячу ласкъ! Молитесь за меня. Катринъ.

Станція Алтырь-Юмъ.

Мы сдѣлали половину нашего пути. Все идетъ хорошо, слава Богу, несмотря на всѣ ужасы этой страшной дороги. Вы знаете, была ли я приготовлена во встрѣчѣ препятствій и затрудненій. Но дѣйствительность превзошла все что мое воображеніе могло изобрѣсти. Никогда я не могла вообразить о существованіи подобныхъ дорогъ. То эти болота въ которыхъ погружаешься, дѣйственные лѣса

гдѣ подвигаешься съ трудомъ, то крутыя скалы черезъ которыя, не смотря на головокруженіе, надо переправляться, или страшно быстрыя рѣки которыя переѣзжаютъ бродомъ или вбравъ. Природа дика, но превосходна. Видно что рука человѣческая тутъ не прикасалась и не трудилась сдѣлать хотя бы сносными эти пути сообщенія. Однако же мы переѣзжали грубые и примитивные мосты переброшенные вѣроятно какими-нибудь Тунгусами; но переѣзды черезъ нихъ грозятъ страшною опасностію. Въ нихъ громадныя отверстія, и ниспадаютъ пропастями или ручьями, они представляютъ большую опасность: лошадь должна перескочивать черезъ эти звѣющія пропасти заставляющія путника содрогаться. Надо найти эти дороги и пройти черезъ всѣ эти сюрпризы чтобы хорошо постигнуть переживаемые ужасы. Я, впрочемъ, не прихожу въ удивленіе и предпочитаю мой гамакъ сѣдлу. Несмотря на все то что мнѣ говорили въ Якутскѣ, гдѣ думали что онъ мнѣ будетъ бесполезенъ, я нахожу что гораздо менѣе опасности въ лежачемъ положеніи чѣмъ въ сѣдлѣ. Я могу тогда легко потерять равновѣсіе отъ охватывающаго меня головокруженія, когда я вижу пропасти сквозь отверстія мостовъ или съ высоты отиѣсныхъ горъ. Я дѣлаю на лошади до тридцати верстъ въ день и до сихъ поръ не прибѣгала еще къ мужскому сѣдлу. Мой мужъ также убѣдился что для такого необыкновеннаго путешествія, когда испытываешь такую ужасную усталость, дамское сѣдло гораздо приятнѣе. Онъ начинаетъ предпочитать его своему и время отъ времени имъ пользуется. Можетъ быть, это нѣсколько смѣшно, но для насъ, вы понимаете, это безразлично. Здѣсь, въ этихъ архидиккихъ странахъ потеряли нѣтъ конвенціи, и обычай цивилизованнаго міра совсѣмъ не въ употребленіи, особенно послѣ двухнедѣльной ѣзды верхомъ по адскимъ дорогамъ, о которыхъ тамъ къ счастью не имѣютъ никакого понятія, когда разбиты душевными волненіями и усталостію.

Ахъ! черезъ что мы проѣзжаемъ! Несмотря на добрую волю, мнѣ случается иногда ослабѣвать и рыгать. Особенно одинъ разъ мы должны были переправляться вбравъ черезъ очень глубокія и очень быстрыя рѣки; разразилась страшная гроза, молнія ослѣпала насъ; удары грома, повторяемые всѣми эхами громаднхъ горъ Яблоновой гѣны которые мы тогда проѣзжали, заставляли нашихъ лошадей дрожать и подниматься на дыбы. Проливной дождикъ затоплялъ насъ. Она текла, непрерывно текла эта ледяная вода, обливая мои руки, ноги, лицо. Путь по которому мы сѣдовали былъ опаснѣе чѣмъ когда-либо. Мы проѣзжали то по плоскимъ возвышенностямъ и ледникамъ, гдѣ погружались въ сѣтъ, то карабкались на верхушки горъ, пробирались по ея бесплодной сторонѣ по узкой и размытой дорогѣ, загроможденной огромными кучами камней. Испуганная, иззябшая, я дождалась съ горькимъ терпѣніемъ минуты, когда намъ можно будетъ остановиться. Къ несчастію, прошло еще много времени, прежде чѣмъ было открыто надежное убѣжище. Нашли, наконецъ, углубленіе подъ сводомъ образовавшимся изъ отиѣсныхъ скалъ. Тутъ сейчасъ разбили наскоро палатку, и это печальное убѣжище, когда передъ яркимъ огнемъ и обогрѣвалась и обсушивала платье, показалось мнѣ раемъ.

Съ какимъ наслажденіемъ послѣ этихъ часовъ ужаса и усталости я растянулась на своей походной кровати! Утромъ я встала спокойная и веселая; вчерашній ужасный день былъ не что иное какъ сонъ. Солнце ярко блистало, освѣщая великолѣпный пейзажъ и своимъ радостнымъ блескомъ уничтожило всѣ плачевныя впечатлѣнія вчерашняго дня. И такъ-то мы поднимаемся, мои добрые друзья. Катя.

Охотскъ, 28-го іюня 1851 г.

Еслибы вы знали какъ я оцѣлила прѣлхать наконецъ въ Охотскъ. Несмотря на всѣ предосторожности и старанія смягчить трудности этого ужаснаго путешествія, я очень пострадала и послѣдствія были самыя прискорбныя. Увы! послѣ послѣднихъ извѣстій посланныхъ намъ изъ Алаш-Юнгъ, я была очень больна, страдала ужасно и не понимала что со мной.

Путешествіе стало выткой; случилось что я садилась на край дороги, не имѣя мужества ни вѣзти на лошади, ни растянуться въ моемъ гамакѣ. Я замѣтно ослабѣвала. Мы подвигались шагомъ и такъ дотоптались не доѣзжая 10 верстъ до Охотска, гдѣ я упала на сырую траву чувствуя что у меня захватило дыханіе и всталъ во мнѣ отъ невыносимыхъ страданій, невозможныхъ описать.

Наконецъ, придумали сдѣлать изъ моего гамака носилки, куда меня и положили; тихонько 6 человѣкъ со всевозможными предосторожностями подыали меня и такимъ образомъ, предшествуемые 2 казаками чтобы предупредить доктора, мы ночью достигли Охотска. Нашъ печальный кортежъ вошелъ въ уснувшій уже городъ и остановился передъ приготовленнымъ для насъ домомъ, и меня внесли туда умирающей.

О, какъ я рыдала, какъ я проклинала эту ужасную дорогу которой опасности, ужасы и страшное утомленіе лишили меня самой сладкой надежды! Моя добрая тетюшка, вы которая имѣете материнское сердце, не правда ли, вы поймете мою великую горестъ? Ахъ! надо было всю любовь и всѣ трогательныя заботы моего мужа чтобы заставить меня покориться этому несчастію. Я еще очень слаба и больше не могу писать. Прощайте! Я должна снова лечь. Катя.

Охотскъ

Мой мужъ очень озабоченъ. Онъ еще не рѣшился на какой мы сядемъ корабль чтобы ѣхать въ Аянь.

Кромѣ того, онъ долженъ выбрать изъ гарнизона и Охотскаго порта до пятидесяти матросовъ и казаковъ. Они будутъ съ ихъ семействами сопровождать насъ въ Петровскъ. Такъ какъ моему мужу хочется выбрать самыхъ лучшихъ между этими бравыми людьми, то задача не такъ легка. Кромѣ способности солдата и моряка они должны быть уже испытанными людьми. Мы отправляемся въ пустыню населенную дикими, не способными намъ помогать. Итакъ,

все согласить и предусмотрѣть не очень легкая задача. Надо подумать о столькихъ вещахъ и приготовить ко всякимъ случайностямъ. Мой мужъ самъ все заказываетъ и осматриваетъ до столѣрныхъ инструментовъ. На немъ лежатъ тягостная отвѣтственность и огромныя обязанности. Онъ думаетъ объ этомъ днемъ и ночью и эти мысли лишили его аппетита и сна. Онъ поглощенъ одною заботой ничего не упустить, ничѣмъ не пренебречь для нуждъ колоніи и для благосостоянія и здоровья всѣхъ тѣхъ которые должны съ нимъ отправиться въ неизслѣдованныя еще страны устья рѣки Амура. Никто не ошибся въ Новельскомъ, мои добрые друзья. Это человѣкъ большаго ума, благороднаго характера и непоколебимой воли. Я горжусь его именемъ. Еслибы вы видѣли его отчаяніе во время моей болѣзни! Онъ не могъ себѣ простить что не оставилъ меня на ваши итѣчныя попеченія и позволилъ мнѣ сопровождать его въ Петровскъ. Этотъ человѣкъ такой энергичный и мужественный плакалъ какъ ребенокъ при видѣ моихъ страданій. Я заставляла его молчать и не говорить вздоръ. Какъ! я отпустила бы его одного, пренебрегая въ началѣ моего замужества своими обязанностями и совершая такой недостойный и низкій поступокъ! О, друзья мои, могла ли бы я, не красѣя отъ стыда, отпратить такого благороднаго и великаго человѣка, предоставивъ его одного опасностямъ и невзгодамъ его мисіи, а самой въ то время, какъ онъ будетъ ихъ переносить, сидѣть спокойно у домашнего очага. А потомъ, о, низверженіе! когда онъ превозмогъ всѣ трудности и страданія, и бы возвратился къ нему въ то время, когда онъ могъ бы мнѣ доставить приятную и легкую жизнь! Никогда, никогда не сдѣлаю и такого низкаго и жестокаго поступка! Я увѣрена что черезъ это ужасное путешествіе и въ продолженіе тѣхъ иррачныхъ годовъ, горечь которыхъ имѣетъ съ нимъ раздѣлять, я докажу ему какъ я благоговѣю передъ нимъ, какъ понимаю его рѣшаясь терпѣть съ нимъ, поддерживать и утѣшать его всегда, становясь черезъ это дорожее и драгоценнѣе для него.

Еще нѣсколько словъ, мои дорогіе друзья! Мы сядемъ на судно „Байкаль“. Не правда ли, странно что первый корабль увидѣнный мною именно тотъ которымъ командовалъ мой мужъ во время его знаменитыхъ открытій. Если будетъ благоприятствовать намъ итѣрь, то завтра мы надѣемся выѣхать. Благодаря моей молодости, но еще болѣе, какъ говоритъ докторъ, моему особенно здоровому сложенію, случай со мною не имѣлъ дурныхъ послѣдствій и здоровье мое совершенно поправилось. Въ Охотскѣ я сдѣлала нѣсколько покупокъ, между прочимъ, прелестную мебель для небольшой гостиной, оставленную здѣсь однимъ иностраннымъ кораблемъ, никогда ее больше не потребовавшимъ. Я ее купила за очень скромную цѣну въ сравненіи съ страшною дороговизной этого захолустьяго края. Къ несчастію намъ было невозможно достать роуль. Тѣ которые въ Охотскѣ существуютъ не продаются и случаи купить его очень рѣдки. Это очень грустно для меня. Роуль была бы болѣеимъ наслажденіемъ въ нашемъ ледяномъ удивленіи. Я думаю что здѣсь задались мыслию совсѣмъ насъ ограбить, пользуясь нашимъ невѣдѣніемъ охотскихъ цѣнъ. Такъ, напримѣръ, насъ заставляютъ платить по пятидесяти копѣекъ за свѣжее яйцо!! Не правда ли, ужасно? Это дастъ замѣ-

помяте объ остальномъ. Прощайте, мои добрые друзья! Я буду вамъ писать какъ только пристанемъ къ Аяну. Это небольшой портъ русско-американской компаніи, которымъ она владѣтъ въ Охотскомъ морѣ. Нижню цѣлую часть наша *Каля*.

Петровскъ, 24-го іюля 1851 г.

Наконецъ, я въ Петровскѣ, мои дорогіе друзья! Но еслибы мы знали что мы испытали прежде чѣмъ сошли на землю и поселились въ единственной избушкѣ выстроенной на берегу Охотскаго моря, въ ста верстахъ отъ устья рѣки Амура, гдѣ мало-по-малу мы завладѣемъ окончательно этою мѣстностью! Какъ вамъ извѣстно, правительствомъ запрещено моему мужу дѣйствовать рѣшительно и не допускать занятія этого пункта, такого необходимаго для Россіи. Однако же мой мужъ рѣшился идти противъ этого запрещенія. Онъ хочетъ предпринять новую серію изысканій и изслѣдованій и положилъ себѣ укрѣпить Николаевскъ, основанная на берегу рѣки Амура почти такъ далеко во внутрь страны, насколько это, по его взгляду, необходимо. До отъѣзда своего въ Петербургъ въ прошломъ году онъ оставилъ лейтенанту Орлову свои инструкціи. Этотъ офицеръ со своимъ семействомъ и двадцатью человѣками казаковъ и матросовъ пробылъ цѣлую зиму въ Петровскѣ. Осенью и весною они наскоро къ нашему прѣзаву построили: казарму, домъ (то-есть, надо понимать жалкую избушку) для начальника экспедиціи, русскую баню и гражданскій сарай для склада провизіи. Мы пробыли четыре дня въ Аялѣ. Тамъ царствовало большое безпокойство и мужъ мучился больше всѣхъ. Бригъ „Охотскъ“, зимовавшій въ Петровскѣ и служившій защитой нашихъ колоній противъ Гилляковъ на случай ихъ бунта, вмѣсто того чтобы прибыть въ началѣ іюля за нами въ Аялѣ, какъ это было предписано моимъ мужемъ командиру и по его инструкціямъ господину Орлову, не показавъ въ Аялѣ, гдѣ были въ совершенномъ невидѣніи объ его участи. Это было важно, тѣмъ болѣе что между Аяномъ и Якутскомъ носилась слухи что Русскіе были перебиты дикими. Сначала люди свѣдущіе не придавали этому вѣры, но когда послѣ долгаго ожиданія бригъ не показавъ въ Аялѣ, злобщіе слухи казались правдоподобными. Волненіе и ужасъ при нашемъ прѣзавѣ были причинены этимъ опозданіемъ. Невозможно описать какъ мой мужъ былъ этимъ изводиваемъ и убитъ. Онъ клялся что если дѣйствительно наши несчастные братья были истреблены, онъ имъ жестоко отомститъ и докажетъ этимъ чудовищамъ что безнаказанно трогать Русскаго нельзя! „Мою собственная жизнь и охотно принесу въ жертву чтобы наказать этихъ дикихъ животныхъ и сохранить для родины мною выбранное для нея пунктъ. Эта мѣстность должна быть русской, она русская и останется русской!“ вскричалъ онъ, товалъ ногами весь блѣдный и со сверкающими отъ гнѣва и горя глазами. Видя вокругъ меня зоиственныя приготовленія и рѣшительный видъ моего мужа, я чувствовала себя гордой и способной презирать опасности около этого мужественнаго человѣка. Я восхищалась имъ, и въ эти минуты боготворила его. Онъ казался мнѣ

такихъ великамъ, думая обо всемъ, предусматривая все и никого и ничего не боясь. Однако же я не хочу показаться вамъ, мои милые, болѣе отважной чѣмъ на самомъ дѣлѣ, и минутами меня донимаетъ ужасъ, и я трепетала при мысли о томъ что можетъ быть, насъ ожидаетъ. Во время гнетущей его тоски и неизвѣстности мой мужъ хотѣлъ оставить меня въ Аялѣ. Но это было бы невозможно, мои друзья, не правда ли? Я была бы самая низкая женщина, оставшись спокойно въ безопасности, когда мой мужъ сражался за свою и за честь родины, рисковалъ бы своею жизнью. Борьба между нами длилась часами, но я вышла побѣдительницей слѣдуя за нимъ до конца.

У пристани Аяна стояло судно русско-американской компаніи „Шелехонъ“. Они взяли для американскихъ колоній подрядъ доставки муки и ждали приказанія къ отплытію. Составился совѣтъ между моимъ мужемъ, начальникомъ порта и командиромъ „Шелехона“. Въ виду важности обстоятельствъ рѣшили чтобы это судно насъ сопровождало для того чтобы наша маленькая кучка съ прибавленіемъ людей и огнестрѣльныхъ орудій имѣла болѣе угрожающій видъ. При нашемъ отъѣздѣ мой мужъ опять повторилъ неотступныя свои ко мнѣ просьбы.

14-го іюля вечеромъ „Байкалъ“ и „Шелехонъ“ подняли якорь и поставили паруса по попутному вѣтру. Мы шли быстро, земля скоро исчезла изъ вида, и море окружило насъ со всѣхъ сторонъ. Мы были на борту „Шелехона“, такъ какъ его каюты больше и удобнѣе „Байкала“. Ужасная морская болѣзнь, какъ обыкновенно, приняла меня едва мы взошли на судно.

18-го вѣтеръ былъ не такъ силенъ, но за то густой туманъ со всѣхъ сторонъ окружалъ насъ. Мы были всего въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Петровска, но изъ предосторожности бросили якорь. Къ утру небо очистилось и погода сдѣлалась хорошей, оба судна продолжали свой путь, но вдругъ „Байкалъ“ свѣлъ на мель. Былъ моремъ отантъ, освободиться не было возможности, и онъ остался неподвижнымъ. Мой мужъ былъ въ отчаяніи, такъ какъ судно было въ довольно большой опасности. Кромѣ того, мы могли сдѣлать дурную встрѣчу и „Байкалъ“ не былъ бы въ состояніи придти къ намъ на помощь.

Мой мужъ приказалъ „Шелехону“ придвинуться къ судну, сильно врѣзавшемуся близъ подводнаго камня, разбиваемый волнами онъ былъ въ большой опасности. Сдѣлали три пушечные выстрѣла чтобы предупредить нашу колонию и, наконецъ, зная, чего держаться по отношенію къ ней. Еслибы все было въ порядкѣ, вѣроятно, сейчасъ бы отвѣтили на нашъ сигналъ. Но ни малѣйшій звукъ не прервалъ ужасающаго молчанія. Тогда участь нашихъ несчастныхъ соотечественниковъ казалась намъ такою какъ описывали ее въ Аялѣ. Въ зрительную трубу на довольно ясно обозначавшемся берегу можно было различать неопредѣляемыя очертанія строеній. Моему мужу очень хотѣлось отправить туда лодку съ нѣсколькими вооруженными людьми, узнать, что тамъ такое, но положенію „Байкала“ требовало немедленной помощи и соединенныхъ усилій всего экипажа. Мы медленно поднимались. Мой мужъ былъ нѣкоторое время на палубѣ, и вдругъ я услышала его сбѣгающимъ съ дѣстицы и бросившимся къ кругу офицеровъ, гдѣ большая часть изъ нихъ находилась въ

это время, крича низ тревожным голосом: „Господа, изойдите всё сколько васъ тутъ есть“. Ему мгновенно повиновались. Я поспѣвовала за ними, но едва поднялась до верха лѣстницы, какъ увидѣла одного офицера совсѣмъ блѣднаго, одежда въ безпорядкѣ, который останоуилъ меня закричавъ: „Слушайтесь внизъ, Екатерина Ивановна, ради Бога, слушайтесь“. Можете себѣ представить въ какомъ я была состояніи войдя въ каюту. Меня мучили ужасы страшной неизвѣстности. Зная ожиданія быть атакованными диками, я думала что на верху должна произойти битва и, бросившись на колѣна, просила Господа помочь намъ, умоляя пощадить жизни и кровь моего мужа и тѣхъ которые будутъ сражаться за честь родины. Въ эту минуту показался мой мужъ. Зная какъ я должна была страдать, онъ, несмотря на свое душевное безпокойство, оторвался на одну минуту съ палубы. Я бросилась къ нему, схвативъ его за руку и спрашивала его задыхающимся голосомъ о причинѣ криковъ и шума отъ которыхъ дрожало судно. Тогда съ ужасающимъ спокойствіемъ онъ мнѣ сказалъ: „оказалась течь въ трюмъ и опасность велика“. „Но мы должны умереть!“ шепнула я едва слышно. „Я не знаю, возразить онъ, но крайней мѣрѣ мы сдѣлаемъ все что человѣчески возможно... Господь полонъ милосердія. Возложимъ нашу надежду на Его одного“. И онъ востропно поднялся наверхъ.

Вы, можетъ быть, усумнитесь, мой милые, но однако же, клинусъ намъ, это было такъ и наругу сдѣлались покойны. Если мое сердце билось такъ какъ будто хотѣло разорваться, разсудокъ былъ ясенъ и хладнокровіе возвращалось. Я сказала себѣ что надо быть готовой въ ту минуту, когда меня позовутъ съѣсть въ шлюпку. Я одѣлась очень тепло и сдѣлала свертокъ изъ денегъ, вещей, бумагъ, всего что у насъ было болѣе дорогаго, захвативъ также съ письменнаго стола моего мужа часы и другія цѣнныя вещи; взявъ свертокъ въ руки, сѣла на складную табуретку и стала ждать. Я не могла ни плакать, ни роптать и какъ бы окаменѣла. Прошло нѣсколько минутъ, и мой мужъ вновь сошелъ ко мнѣ. Его лицо было менѣе блѣдно и тревожно. „Слава Богу! сказали онъ, мы почти увѣрены что будемъ спасены. Море здѣсь не имѣетъ такой глубины какъ раньше и мы маневрируемъ чтобы посадить судно на мель, въ чемъ помогаетъ намъ и попутный вѣтеръ. Если мы окончательно не уничтожили напоръ воды, то все же она проникаетъ въ трюмъ съ меньшей силой и угрожающая опасность миновала“. Онъ прибавилъ что еслибы судно не было унесено вѣтромъ далеко отъ того мѣста, гдѣ показалась течь и гдѣ море очень глубоко, оно пошло бы ко дну меньше чѣмъ въ десять минутъ. Вода начала проникать въ каюту, и я вышла на палубу. Тамъ матросы устанавлили бочки съ порохомъ вытасканныя изъ трюма и работали надъ спасеніемъ груза и вещей. Офицеры, казаки, даже молодая, плачущія женщины одною рукою придерживали грудныхъ дѣтей, другою свободно изъ всей силы помогали выкачивать воду. Она достигала намъ до лодыжекъ.

Дѣти и старухи ни къ чему не способная въ ужасѣ перебѣгали съ мѣста на мѣсто, толкались, крича, рыдая и отыскивая убѣжища отъ волнъ поднимающихся все выше и выше. Ахъ, ужасная картина! Всякій думалъ только о себѣ, ломая въ отчаяніи руки и всё

лица были искажены смертельнымъ страхомъ. Мой мужъ, совершенно меня успокоившій, и я старалась поддержать мужество и надежду въ этихъ несчастныхъ созданіяхъ, переходя отъ одной группы къ другой, утѣшал ихъ, объясняя имъ что опасность миновала, что всёхъ спасутъ, убѣждая ихъ оставаться покойными и не пугать работающихъ для нихъ. Увы! все было напрасно. Она меня даже не слушала. Между тѣмъ были спущены шлюпки чтобы перевезти насъ всёхъ на „Байкаль“. За мною пришла ⁷⁾.

Ахъ! друзья мои, когда я увидѣла эти дикіе, отчаянные и съ завистію устремленные на меня глаза, сердце мое стѣснила невыразимая жалость къ этимъ людямъ. „Низа что, кричала я, ни за что я не уйду первая. Отвезите этихъ несчастныхъ. Они боятся, я же знаю что опасность прошла. Я подожду“. Но капитанъ и офицеры увлекали и почти вели меня, а мой мужъ сказалъ повелительно что всякое мое лишнее слово и всякое сопротивленіе были потерей времени, могущее стоить кому-нибудь жизни. Я покорилась рыданъ. Прибывъ на „Байкаль“, я была встрѣчена командиромъ (мой мужъ остался на „Шелехова“ наблюдать за спасеніемъ). Этотъ человѣкъ имѣетъ того чтобы поддержать мое мужество началъ, напротивъ, говорить объ угрожающей намъ опасности. Онъ былъ избѣженъ этимъ лишнимъ грузомъ. Правда что судно блѣднаго челонѣка было въ очень неважномъ состояніи, увеличивая тѣмъ его дурное расположеніе духа. Онъ объяснялъ наши несчастія недостаткомъ точныхъ картъ и нашимъ знакомствомъ съ Татарскими проливомъ, почти не изслѣдованнымъ. Впоследствии узнали причину нашего крушенія. Благодаря густому туману наканунѣ, мы прошли Петровскъ и находились въ одномъ изъ рукавовъ устья рѣки Амура, едва известнаго, и о которомъ имѣли только поверхностное описаніе. Этотъ рукавъ былъ полонъ пучинъ и настоящий случай объясняется самъ собою. Что же касается до построекъ нами замѣченныхъ то это была гиллясская деревня въ 25 миляхъ отъ Петровска, потому весьма понятно что наши Русскіе не могли слышать пушечныхъ выстрѣловъ съ „Шелехова“. Одно оставалось необъяснимымъ, по разговорамъ моряковъ, судно не почувствовало никакого толчка и никакой аваріи передъ тѣмъ какъ мгновенно показалась въ трюмѣ вода усилившаяся съ ужасающею быстротою и еслибы на наше счастье не случилось мели, мы всё бы погибли въ продолженіе десяти минутъ.

Къ вечеру всё претерпѣвшіе крушеніе были на палубѣ „Байкала“. Мой мужъ принялъ самъ команду этого судна и послѣ успѣій многихъ часовъ оно могло продолжать свой путь. Но до тѣхъ поръ,

⁷⁾ Вотъ какъ говорить знаменитый адмиралъ въ своихъ запискахъ объ этой ужасной минутѣ: „Наше положеніе было критическое. Весь экипажъ и всё пассажиры были на палубѣ. Мы понимали отлично что перомѣнились вѣтеръ, и все было бы съ нами кончено. Командиръ брига лейтенантъ Макценитъ, его помощникъ, совсѣмъ всякій лейтенантъ Вошняки умоляли мою жену оставить скорѣе палубу и вѣсть въ шлюпку для перевоза ея на судно „Байкаль“. Мой мужъ мнѣ часто говорилъ, отвѣчала моя жена супругу, „что во время крушенія командиръ и офицеры оставили судно послѣдними. Я не оставлю „Шелехова“, пока не будетъ на палубѣ ни одного ребенка и ни одной женщины. Я прошу насъ прежде меня заботиться о нихъ“. Ее увлекли слезы.

въ продолженіе всей ночи, толчки отъ волнъ заставляли его содрогаться сверху до низу. Вотъ тогда-то, признаюсь вамъ, обуять меня ужасъ. Я страшно боялась, больше чѣмъ на „Шелеховъ“. Тамъ произошло такъ быстро что я едва могла постигнуть угрожающую опасность. Здѣсь я содрогалась въѣтъ съ судномъ и всеніи толчки заставляли меня полумертвою отъ страха вскакивать съ постели. Мой мужъ время отъ времени сходилъ ко мнѣ чтобы успокоить и нравственно поддержать меня.

„Будь покойна“, говорилъ онъ, „я знаю свой „Байкалъ“. Онъ превосходно построенъ. Его обшивка необыкновенно прочна. Ты увидишь, онъ устоитъ противъ всѣхъ испытаній, не получишь ни малѣйшей аваріи“.

Онъ былъ правъ: судно не потеряло ни одного гвоздя, не была тронута ни одна плавка, ни одинъ винтъ не вышелъ изъ своего мѣста, тогда какъ „Шелеховъ“ было старое судно которое давно пора было бы изъять изъ навигаціи.

Приставъ къ рейду въ Петровскѣ, мы были обрадованы извѣстіемъ что всѣ злощасные слухи въ Алаи не имѣли никакого основанія. Наша колонія никогда не была потревожена и Гилки оставались совершенно покойны. Что же касается до брата „Охотска“, онъ былъ задержанъ въ Петровскѣ нѣкоторыми аваріями гдѣ-то имъ полученными. Колонисты, счастливые нашимъ прїездомъ, встрѣтили насъ съ необычайною радостію.

Петровскъ, 2-го августа 1851 г.

Я получила твои два письма, милая моя сестра, и имѣть надобности говорить какъ я была счастлива читая ихъ. Твое сердце угадалъ это, не правда ли? Говори мнѣ о нашей младшей сестрѣ, о нашемъ братѣ, моемъ младшемъ Николаѣ. Я такъ боюсь чтобы долгая разлука не заставила ихъ забыть Петровскую отшельницу, такъ какъ одинъ Господь знаетъ, когда мы опять будемъ съ вами соединены.

Домики колоніи, поста или гавани, какъ хочешь назови, выстроены на полосѣ земли вдающейся далеко въ море, такъ что оно насъ всюду окружаетъ. Хорошенькая бухта передъ нашими окнами открывается въ долину отъ нашего жилища. Со стороны суши мы легко можемъ различить нѣсколько гилакскихъ деревень, жилища которыхъ также мало привлекательны, какъ и жилища ихъ. Наше маленькое общество состоитъ изъ всѣхъ офицеровъ съ „Байкала“, секретаря моего мужа М. Н., доктора и Орловыхъ мужа съ женой. Мой мужъ, сопровождаемый лейтенантомъ Бошнякомъ, отправится къ устью рѣки Амура чтобы тамъ устроить новую колонію въ которой этотъ молодой, разумный и способный офицеръ будетъ начальникомъ. Семейство Орловыхъ и мы живемъ пока въ одномъ домѣ состоящемъ изъ трехъ комнатъ и кухни. Стараются выстроить небольшую избышку чтобы поселить насъ на зиму. Что же касается до мушницъ, они, въ ожиданіи постройки дома для офицеровъ, располагаются въ палаткахъ и въ русской банѣ. На мнѣ одной лежитъ обязанность очень трудная, заботиться о питаніи всего этого общества. Часто это бываетъ настоящею задачею. Мы

нуждаемся въ столькихъ вещахъ! Но за то имѣемъ въ большомъ количествѣ превосходную рыбу. Это неслышанно, сколько вылавливаютъ ее Гилки и какую громадную провизію они заготавливаютъ изъ нея для себя на зиму. Они намъ охотно ее продаютъ, то-есть, вымѣниваютъ на штуки митналю, стеклянные вещи, ножи; употребленіе же монеты для нихъ еще не извѣстно. Петровскъ, съ его всюду поставленными палатками и съ зажженными огнями для варки кушанія казакамъ и матросамъ, имѣетъ видъ лагера броненнаго невзначай въ эту пустыню. Когда видишь зелень, солище, совсѣмъ голубое море, весело бластичное покругъ насъ, все это кажется очень хорошею. Но, Боже, что будетъ зимой! Когда я вошла въ это жалкое убѣжище, гдѣ должна прожить такіе долгіе мѣсяцы, сердце мое невольно сжалось. Я ослабѣла и залилась слезами. Я ожидала встрѣтить что-нибудь очень простое, очень грубое, но убійственной дѣйствительностью превзошла всѣ мои предположенія. Какой контрастъ представила мнѣ эта хижина съ прекинымъ комфортомъ, съ широкою жизнью въ домѣ нашихъ родителей и нашего добраго дядюшки. Варочемъ, мнѣ помогла въ эти минуты угныи впечатлительности моей натуры. Я увидѣла прелестную маленькую дѣвочку г-жи Орловой, и видъ этого ребенка высушилъ мои слезы. Что же касается до самой г-жи Орловой, то хотя она и не свѣтская дама, но превосходная личность, очень услужливая и очень добрая.

Первое впечатлѣніе, стѣсненное сердце, прошло; я придумала средство украсить наше грустное жилище и благодаря коврамъ и разнымъ бездѣлушкамъ взятымъ съ собой этотъ бѣдный уголокъ принялъ видъ нѣкотораго комфорта и порядочности. Увы! моя прелестная мебель изъ Охотска была унесена волнами во время крушенія, и я со слезами стоя на пазубѣ „Байкала“ видѣла ее плывущей *).

Мы часто видимъ бродячіе около насъ уродливыя фигуры Гилковъ. Несмотря на отличающую ихъ трусость, выраженіе лица у нихъ жестокое и хитрое. Одежда ихъ состоитъ изъ собачьей кожи; обувь сдѣлана изъ кожи нерпы; они носятъ свои черные волосы, жесткіе какъ лошадиная грива, заплетенные у мушницъ въ нѣсколько длинныхъ косичекъ и въ дѣл у женщинъ, связанныхъ шнуркомъ. Они носятъ огромныя шляпы, грубо сдѣланныя изъ дрепосной коры съ ужасными рисунками по краямъ, и форма которыхъ нѣсколько напоминаетъ форму тирольскихъ шляпъ. Все это страшно безобразно. Я читаю пока очень мало, прогуливалъ въ прекрасную, теплую и тихую погоду и пользуюсь короткимъ полдникомъ дѣлать.

Мы обѣдаемъ въ полдень, это удобно нашимъ военнымъ и моему мужу, такъ какъ въ Петровскѣ все посвящено обязанностямъ службы.

* Его высочество великій князь Константинъ Николаевичъ, узнавъ что молодая жена его бывшего начальника и товарища по службѣ послѣдовала за нимъ въ пустыню, послалъ г-жѣ Невельской всю мобилровку важной кавты яхты, въ томъ числѣ роли розоваго дерева; деликатное и трогательное вниманіе настоящего царскаго сердца. Она ничего не получила. Это море, которое она такъ ненавидѣла и о которомъ не могла говорить безъ дрожи, похитило царскій подарокъ могущій украсить ее удивленіе. Судно, на которомъ онъ былъ, потеряло крушеніе и утонуло со всѣмъ своимъ грузомъ.

Надѣюсь получить извѣстіе о вѣсѣхъ насъ съ корветомъ.

„Оливуца“ останется здѣсь нѣсколько дней, потомъ будетъ въ продолженіе всей навигаціи крейсировать въ окрестностяхъ. На немъ больше 20 офицеровъ и 130 матросовъ. Это обѣщаетъ намъ, какъ ты видишь, большую прибавку общества.

Прощай, моя милая, милая сестра *Катя*

Петровскъ.

Я думала, мои добрые друзья, что корветъ останется здѣсь недолго, и не имѣла намѣренія послать вамъ еще письмо чтобы оно не было повтореніемъ предыдущаго. Однако же, мой мужъ нашелъ необходимымъ задержать „Оливуцу“ въ Петровскѣ до возвращенія его изъ Николаевска на Амуръ. Убѣжавъ прошедшимъ годомъ въ Петербургъ, мужъ мой наказалъ г-ну Орлову съ весны начинать необходимыя постройки. Но только-что Орловъ, слѣдуя его указаніямъ, пріѣхалъ съ людьми назначенными къ предполагаемымъ работамъ въ Николаевскѣ, какъ наткнувшись на сопротивленіе толпы Гиліковъ долженъ былъ удалиться. Они, потрясая ножами, не допускали вхъ рубить дѣсь въ этомъ мѣстѣ. Имѣя небольшое количество народа и не взявъ съ собой огнестрѣльнаго оружія, лейтенантъ Орловъ не могъ поддержать притязанія Русскихъ и долженъ былъ удалиться въ Петровскъ, ожидая возвращенія своего начальника. Мой мужъ былъ чрезвычайно недоволенъ недостаткомъ предусмотрительности и не могъ допустить мысли чтобы нельзя было усмирить эту дикую орду. Со своимъ мужественнымъ и предприимчивымъ умомъ онъ не могъ постигнуть чтобы подобныя существа могли осмѣлиться противиться планамъ и волѣ Русскаго.

Со своею обыкновенною энергіей, полной огня и нетерпѣнія, онъ немедленно организовалъ экспедицію въ Николаевскъ и отправился туда къ сопровожденію лейтенанта Бошняка и 25 казаковъ. Дѣй пушки и полный комплектъ огнестрѣльнаго оружія дополнили грузъ шлюпокъ. Мой мужъ на одной минутѣ не сомнѣвался не только въ успѣхѣ своего предпріятія, но и въ спокойномъ его исполненіи. Онъ знаетъ слишкомъ хорошо Гиліковъ чтобы предполагать въ нихъ малѣйшую возможность серьезнаго сопротивленія энергическому виду и повелительному приказанію. Его предположенія оправдались. Гиліки встрѣтили ихъ въ Николаевскѣ съ услужливою покорностію, клялись волнѣйшимъ послушаніемъ посланному отъ Пили-Пили-Джангитъ и усердно принялись помогать нашимъ людямъ въ перевозкѣ дѣсь, а также нашимъ плотникамъ привезеннымъ мужемъ въ Николаевскъ, въ работахъ предпринятыхъ построекъ. Оставивъ г-ну Бошняку подробныя инструкціи, мой мужъ возвратился утромъ въ Петровскъ очень довольный своею экспедиціей. Съ огромной энергіей и замѣчательными способностями лейтенанта Бошняка, съ усердіемъ казаковъ и съ послѣднюю услужливостію дикихъ (еще болѣе усердныхъ послѣ того какъ изъ шлюпокъ были вытѣснены дѣй пушки) все пойдетъ на этотъ разъ хорошо, и новыя колоніи Русскихъ явятся въ этой пустынѣ, укрѣпляя наше могущество.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

Москва, 1-я Мѣщанская, домъ Богданова, кв. № 3.

— 0 —

Выписывающіе прямо изъ склада за пересылку не платятъ, а также выписывающимъ болѣе 10-ти экземпляровъ уступка.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна 1 руб.

КБ